

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

ГРУ

Сергей САМАРОВ

ПОЛИГОН
ДЛЯ ИНТЕЛЛЕКТА

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Полигон для интеллекта

«Автор»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Самаров С. В.

Полигон для интеллекта / С. В. Самаров — «Автор»,
2017 — (Спецназ ГРУ)

ISBN 978-5-699-94270-1

Старший лейтенант ГРУ Рус Поленьев – профессионал в области компьютерных технологий. Именно поэтому руководство привлекает его к освоению боевой робототехники, готовящейся к отправке в Сирию. Уже включившись в работу, офицер узнает о гибели своего прежнего командира. Тот якобы застрелился из пистолета, ранее принадлежавшего Поленьеву. Через некоторое время при странных обстоятельствах погибает еще один его сослуживец. Поленьев замечает за собой слежку. Кто-то явно пытается скомпрометировать перспективного специалиста и тем самым сорвать предстоящую боевую командировку в Сирию...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94270-1

© Самаров С. В., 2017
© Автор, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	16
Глава третья	21
Глава четвертая	27
Глава пятая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Сергей Васильевич Самаров

Полигон для интеллекта

© Самаров С., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2017

Пролог

– Они уже вот-вот должны понять, что их отсюда хрен куда выпустят! Крышка птенчикам! Будут долго под себя гадить... – отчего-то прокричал в микрофон старший лейтенант Воропаев. – «Мешок» завязался наглухо. Или мы их сейчас добьем, или они, на хрен, сложат оружие и сдадутся...

Микрофон доносил и недалекие взрывы – последние звуки уже остановившегося наступления террористов, и потому, наверное, Воропаев кричал, стараясь перекричать эти взрывы. Испытательная радиостанция Р-169 «Гранит» обеспечивала группу закрытым режимом речевой связи. Кроме того, у всех четверых офицеров группы был еще и полевой коммуникатор П-380К, позволяющий в цифровом защищенном высокоскоростном формате Интернета общаться каждому с двадцатью абонентами. В данном конкретном случае со своими боевыми роботами¹.

– Как же, сдадутся... Они все напрочь обкуренные, – констатировал со своей позиции капитан-лейтенант Солнцехранов состояние террористов. – Видел же, когда они мимо проходили... Руки-ноги как на шарнирах – верный признак обкуренности. Обкуренные обычно не сдаются. Они просто не видят разницы в том, жить им или сдохнуть...

– Значит, добьем, – зло подвел итог старший лейтенант Поленьев, как точку поставил.

– Добьем... И тех, кто убежать сможет, напугаем сильно, – согласился с командиром группы старший лейтенант Рапсодин. – Ждем приказа, командир!

– Я тоже жду... Кто сирийцев видит? – спросил Поленьев, готовый дать команду на атаку роботов, но помнящий, что команда эта должна быть синхронизирована с атакой сирийских войск. – Задерживаются? Пора бы уже и прибыть...

– С моей высоты видно, что они «Грады» на позицию разворачивают. Заняли линию размежевания, прорвались с боем, разрезали тыловые части, захватили дорогу. Пехота, много пехоты, и еще несколько грузовиков выгружаются. Два дивизиона «Градов». Три танка. Готовятся к атаке, разворачиваются во фронт. Террористы это уже должны знать. Если, конечно, у них связь работает.

Блиндаж капитан-лейтенанта флота единственный из всех находился на небольшой высоте, откуда открывался достаточный, хотя и не полный обзор тыла. Остальные высоты были выше этой, и все приблизительно равной высоты. При подготовке было высказано опасение, что террористы пожелают занять их, посчитав господствующими над местностью, – это обычная тактика в условиях местной войны. В этом случае жизнь офицеров роботизированной группы попала бы под прямую угрозу, поскольку большинство их роботов находится впереди. Той же высотой, где находится блиндаж капитан-лейтенанта, бандиты пока пренебрегли. Хотя высоты неподалеку, как и предполагалось, заняли, установив на них несколько артиллерийских орудий и минометы. В прикрытие, естественно, на склонах срочно копала окопы пехота. Копала там, где можно было бы лицом к лицу встретиться с сирийской армией, если та двинет в контрнаступление и попытается отбить оставленные позиции. И пехота террористов совершенно не укрепляла тылы, а такое положение было для них наиболее опасным. Когда оказываешься в «мешке», тогда не существует ни фронта, ни тыла. Только террористы еще, похоже, не поняли, что отход сирийских войск был спланированным и наступающих попросту заманили в «мешок». Опыта бандитам не хватило, чтобы осознать опасность, не хватило знания военной теории.

¹ Об испытаниях средств связи в Сирии рассказано в: <http://rg.ru/2016/04/07/rossiia-ispytala-v-sirii-vysokoskorostnoj-voennyj-internet.html>. По словам представителя ОПК, «техника отработала без замечаний. Системы признаны надежными, эффективными и соответствующими требованиям современной армии». (Здесь и далее прим. автора.)

– Связи у них, похоже, нет, – слегка задумчиво подсказал старший лейтенант Рапсодин, специалист по средствам РЭБ². – Работает наша «Красуха-4»³. У нас только легкие помехи в связи, естественные, второстепенные, какие и должны присутствовать. А у них вообще должно всю связь «обрубить». Любую. У нас вот тоже телефония «отрублена».

– «Второй», я – «Первый»! Там что, на прямую линию все-таки «Грады» ставят! – возмутился командир российской роботизированной группы. – Говорил же я им, на «Грады» с двух сторон ударить могут: и от нас, и с той стороны. Минометами начнут поливать, мало не покажется... Надо было по бокам разворачивать. Там хоть с одной только стороны ударят, с нашей просто не достанут. Только меня не слушают, званием не вышел, чтобы подсказывать...

– Я – «Второй»! Не послушали они тебя, командир, – подтвердил капитан-лейтенант.

Несколько минометных дивизионов «Джабхат-ан-Нусры» прорвалось вперед вместе с колоннами наступающих исламистов. Развернуть минометы в сторону своих тылов им недолго, миномет – это не РСЗО «Град». Если, конечно, «Грады» раньше эти дивизионы не уничтожат. Но этот вопрос пока остается открытым – кто кого. А зачем нужен такой вариант дуэли с открытым забралом! К тому же у террористов наверняка и в тылах есть минометные дивизионы, которые не успели выдвинуть вперед до того, как сирийская правительственная армия рассекла наступающих и «завязала» «мешок». Там, на другой стороне «завязки», обязаны понимать, что большая группировка оказалась отрезанной и окруженной, и должны стараться помочь им.

Хотя стоял еще только март, солнце днем светило жаркое, как ни крути, вокруг Сирия, а совсем рядом большая сирийская песчаная пустыня, где песок легко прокаливается и за короткую весеннюю ночь остыть не успевает. Старший лейтенант Поленьев вытер пот со лба рукавом своей футболки, забыв о чистом носовом платке, лежавшем в кармане. Не до того было. Он находился в своем блиндаже один, как и другие члены его группы были одиночками, каждый в своем блиндаже. Впрочем, если считать за компанию боевых роботов, то они в какой-то мере скрашивали одиночество, хотя разговор с ними мог бы быть только односторонним – боевые роботы могли разговаривать только на языке оружия и стреляли при этом с компьютерной точностью, а в остальное время только молча слушали. Они прекрасно понимали и выполняли компьютерные команды, но не могли понять человеческую речь ни на каком языке. Их просто не обучали этому. Хотя разговаривать с ними старший лейтенант Поленьев уже приучил себя за половину дня непрерывного общения. Впрочем, в блиндаже со старшим лейтенантом находился только один небольшой робот-автоматчик. Остальные прятались в своих блиндажах и ждали момента, когда старший лейтенант Поленьев даст приказ, чтобы послать их в поле – сеять смерть людям...

– Как самочувствие, Василий? – отключив микрофон, спросил Рус Григорьевич того робота, которого «назначил» головным в своей многочисленной группе молчаливых помощников. Василий, естественно, ничего не ответил, он «сидел» в тщательно замаскированном блиндаже в непосредственной, как нечаянно оказалось, близости от тылов передовой линии «Джабхат-ан-Нусры» и имел с командиром только цифровую, а не речевую связь, поэтому голос старшего лейтенанта Поленьева не услышал. Такая критически передовая позиция не задумывалась специально, так встали на свою собственную позицию отряды наступающих террористов. Кстати, Василий был единственным зрячим на данный момент роботом из всех, то есть работали все его камеры, и те, что смотрели вперед, передавали изображение на планшетник командира в инфракрасном режиме. Разрядить аккумулятор Поленьев не опасался. Скоро роботы сорвутся с места, заработают двигатели, заработает генератор и подзарядит аккумуля-

² РЭБ – средства радиоэлектронной борьбы. Приборы, создающие помехи при осуществлении связи и наводки высокоточного оружия. Исключение составляют выделенные закрытые каналы, которые не гасятся помехами. Противник в этом случае, чтобы осуществлять связь, должен работать на тех же каналах, но тогда его можно было бы слышать даже при закрытой связи.

³ «Красуха-4» – мощная станция РЭБ с радиусом действия до трехсот километров.

торы. К сожалению, камеры, контролирующие тылы и фланги, могли увидеть только то, что скрывало танк-робот от посторонних глаз, то есть внутренность тесного блиндажа. Но при неблагоприятном стечении обстоятельств и смотрящие вперед камеры могли бы выдать Василия, догадайся террористы из «Джабхат-ан-Нусры» использовать индикатор оптической активности. Такие индикаторы у них наверняка были в наличии, но в данной ситуации ими никто не пользовался, а если и пользовался, то только для просмотра позиций сирийской армии, что встала впереди, чтобы определить угрожающих террористам снайперов. Это Василия и спасало от демаскировки и вынужденного более раннего вступления в бой. Остальные девять танков-роботов, как и пять более мелких роботов-автоматчиков, были замаскированы так, что и их никто заметить не мог, но и они не могли никого увидеть и показать командиру через систему быстрого военного Интернета. Они увидят и покажут тогда, когда Поленьев даст им команду проломить умышленно сделанное хлипким потолочное перекрытие и двинуться вперед.

И это время приблизилось стремительно. РСЗО на переход из походного положения в боевое требуется три с половиной минуты, и через этот промежуток времени, может быть, на десяток секунд больший, «Грады» дали почти одновременный залп всем дивизионом. Точки, на которых располагались блиндажи роботов и офицеров, ими управляющих, были заранее нанесены на карты ракетчиков еще бойцами сирийского спецназа, и потому можно было не опасаться нечаянного поражения со стороны тех, кому ты помогаешь. Старший лейтенант Рапсодин в дополнение к четырем танкам-роботам «Уран-9»⁴ управлял еще и тремя беспилотниками вертолетного типа, имеющими прямую связь не только с ним, но и с артиллеристами. То есть беспилотники могли корректировать и направлять огонь РСЗО. Что они и сделали. Первый залп накрыл два из четырех расположенных поблизости минометных дивизионов «Джабхат-ан-Нусры», причем высота, где расположился один из дивизионов, начисто лишилась вершины, которую перепалили мощные ракеты «Града». От дивизиона ничего не осталось – ни ствола, ни человека, ни ящика с минами, ни ящика со взрывателями.

Перископ старшего лейтенанта Поленьева позволял видеть только то, что впереди, но скрывал происходящее на флангах. Поэтому, рассмотрев результат первого мощного залпа «Градов» по стоящей впереди высоте, результат обстрела другой высоты можно было оценивать только по звуку. А это давало мало информации. По крайней мере, радовало, что с этой, второй, пораженной высоты пока не раздавалось встречных минометных выстрелов. Была надежда, что и этот минометный дивизион уничтожен. От позиций исламистских минометчиков до места, где планировалось «завязать» «мешок» и завершить окружение, было около шести километров. Для «Града» это была идеальная дистанция стрельбы, хотя он способен стрелять и на сорок километров. Плохо было только то, что исламисты имели на вооружении двадцатимиллиметровые минометы, способные стрелять чуть дальше семи километров, то есть они вполне могли сами достать до РСЗО. Хотя, прикрытые высотами, не имели возможности как получать информацию о результатах, так и корректировать стрельбу, а их беспилотник, только взлетев над территорией боя, стараниями российского аппарата РЭБ упал. Сработала мощная «Красуха-4», не позволившая оператору управлять дроном и сбившая всю систему

⁴ «Уран-9» – боевой робот-танк, недавно принятый на вооружение в Российской армии. Не имеет мировых аналогов. Вооружен автоматической тридцатимиллиметровой пушкой 2А72 с боекомплектом в 200 снарядов и спаренным с ней пулеметом Калашникова с тысячей патронов к нему, противотанковым ракетным комплексом «Атака» (в состоянии уничтожить вражеский танк с дистанции восемь километров) и противовоздушным комплексом «Игла». Кроме того, имеет несколько гранатометов, снаряженных различными гранатами, в том числе и термобарическими. При этом сам «Уран-9» сложно взять на прицел, на нем установлена новейшая система защиты от лазерного облучения прицелами противника. Робот снабжен тепловизионной камерой, способной определить засаду на своем пути, но стреляет только по приказу оператора. Дистанция управления роботом составляет двенадцать километров. О том, что представляет собой этот робот, рассказал в программе «Военная приемка» телеканал «Звезда» в прямом эфире. Передачу можно посмотреть в собственном интернет-ресурсе телеканала по адресу: <http://tvzvezda.ru/schedule/programs/content/201412231323-1cpc.htm/201603101614-gxwa.htm>

управления. Значит, наладить корректировку стрельбы минометчиков возможности не было никакой. А три беспилотника вертолетного типа, руководимые старшим лейтенантом Воропаевым, успешно передавали сигнал экипажам «Градов». Выделенный «Красухой» канал связи работал без помех, тогда как исламисты лишились всех своих каналов. Это должно было насторожить их командиров, но или не насторожило, или командиры сами вперед не пошли, оставшись по ту сторону разграничительной черты, так что вовремя подать команду к исправлению угрозы было некому, да и, не имея связи, возможности такой не имелось.

Но минометчики исламистов быстро развернули свои стволы и сделали несколько нецельных выстрелов. Больше для самоуспокоения, так как массированного обстрела не получилось. Перезарядить РСЗО сложнее, чем развернуть миномет. Тем не менее перезарядка тоже прошла быстро. И раздался новый залп. Беспилотники, управляемые старшим лейтенантом Рапсодиным, помогли артиллеристам внести важную корректировку. Тем не менее залп получился с перелетом, непонятно, случайным или намеренным, потому что фугасно-осколочные ракеты ударили по позициям пехоты «Джабхат-ан-Нусры», которая не успела полностью окопаться, о чем командиру сообщил старший лейтенант Воропаев, у которого был хороший обзор как раз в ту сторону. Однако грохот мощной канонады издали привлек, видимо, внимание не только Поленьева. Всем стало понятно, что по другую сторону разграничительной линии сконцентрировалось несколько дивизионов мощных минометов и обстреливают РСЗО оттуда. Причем заняли дистанцию, видимо, меньше четырех километров, а это минимальная дистанция, на которую могут позволить себе прицельно стрелять «Грады». Сирийская армия должна была в таких условиях нести потери, но утешало то, что «Красуха» продолжала работать и не позволяла корректировать стрельбу минометов.

– Командир, «Грады» снимаются с места. Один уже изуродован, лишен боеспособности. Зря они тебя не слушали... – сказал со своей высоты капитан-лейтенант Солнцехранов. – Но сбоку, вижу, начинают стрелять «Акации»⁵. Они быстро минометчиков уму-разуму научат. Там их несколько штук. За высотой стоят.

Но уйти «Градам» мешали и оставшиеся минометы, стоящие на недалеких от засады боевых роботов позициях. Они же, частью развернувшись в другую сторону, не давали и пехоте подняться в атаку. И тогда старший лейтенант Поленьев принял решение начать свою атаку на минометные дивизионы. Для такого резкого изменения планов требовались воля и умение взять на себя ответственность. Но старший лейтенант Поленьев и волей обладал, и ответственность за свои действия умел на себя брать.

– Внимание! Всем! Выводим «Ураны»! Атаковать минометчиков! Поддержать пехоту! Вперед! Поехали...

И тут же надел на голову «шлем», с помощью которого должен был управлять своими роботами-танками и роботами-автоматчиками. Контакты были уже соединены заранее...

⁵ САУ «Акация» – самоходная артиллерийская установка, мощная гаубица калибра 152 миллиметра.

Глава первая

– Товарищ капитан, разрешите обратиться к товарищу старшему лейтенанту Поленьеву, – козырнул дневальный по роте, войдя после стука и разрешения в ротную канцелярию. Дневальный – из молодых солдат, только что после карантина, и говорил с офицерами слегка испуганно, словно боялся получить нагоняй за какой-нибудь пустяк типа неправильной формы обращения.

– Обращайся, – кивнул командир роты, не отвлекаясь от переодевания – менял полевую форму, в которой совершал с солдатами марш-бросок, на повседневную.

Солдат повернулся в сторону старшего лейтенанта Поленьева:

– Товарищ старший лейтенант, в канцелярии что-то с телефоном не в порядке, начальник штаба батальона майор Осинцев не смог сюда дозвониться. Говорит, постоянно короткие гудки. Позвонил «на тумбочку». Вас срочно требуют в штаб, к товарищу майору.

«На тумбочку» – это значит, звонок был совершен на телефон дневального. Туда обычно звонит только дежурный по батальону перед передачей своей смены, спрашивает о происшествиях для суточного доклада дежурному по бригаде, или вообще при объявлении «тревоги». Во всех других случаях пользоваться телефоном «на тумбочке» запрещалось категорически. Даже офицерам роты. Грубо говоря, это был «тревожный» элемент связи.

– Когда позвонил? – спросил капитан, переглянувшись со старшим лейтенантом Поленьевым.

– Двадцать четыре минуты назад, товарищ капитан, – посмотрев на часы, ответил дневальный.

– А закончился разговор...

– Только что...

– Легко ты отделался... И о чем майор говорил?

– Спрашивал, как служится. О родителях расспрашивал. Кто такие, чем занимаются...

– И только потом про старшего лейтенанта нечаянно вспомнил, так?

– Так точно, товарищ капитан.

– И потребовал срочно явиться.

– Сначала спросил, нет ли в казарме. Я сказал, что, кажется, в канцелярии. Тогда приказал срочно найти и передать. Если уже ушел домой, то отправить посыльного с приказом прибыть в штаб к товарищу майору.

– Понял, – отозвался Поленьев. – Все?

– Так точно.

– Свободен.

Солдат четко развернулся и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Капитан Любимцев недовольно посмотрел на телефонный аппарат, протянув руку, пошевелил трубку и ворчливо произнес:

– Опять трубку неровно положили... Кто у нас последним звонил?

– Ты домой и звонил, – подсказал Поленьев.

– Ага... – неохотно признался командир роты. – Ладно, беги, если срочно...

Старший лейтенант поправил на себе китель, посмотрел на часы:

– Через восемь минут мой взвод с пробежки вернется. Пусть по расписанию занимается.

Ты проследи, если нетрудно.

– Прослежу. Беги... Не забудь вечером ко мне заскочить. Задолбала жена... Уже и жить без своих соцсетей не хочет... Ноет и ноет... Хоть новый компьютер ей покупай! Так она все равно пароли свои, как обычно, не помнит...

– В районе двадцати одного часа заявлюсь... Жди... Ставь чайник...

– Разрешите, товарищ майор? Вызывали? – Старший лейтенант протиснулся в дверь кабинета начальника штаба батальона. За дверью стоял стул, не позволявший двери открыться полностью, поэтому приходилось не входить, а протискиваться.

Стул за дверью оказался не случайно. Начальник штаба его умышленно поставил, чтобы никто неожиданно не вошел, а сам при этом, судя по красной вспотевшей лысине, отжимался от пола. Видимо, решил себя в порядок привести – в смысле физической формы, но своих скромных результатов стеснялся и, пока приличествующих должности показателей не достиг, выполнял упражнения в одиночестве.

Майор поднялся с ковра, отряхнул руки.

– Уже пришел? Тогда заходи, Рус Григорьевич. Быстро тебя дневальный отыскал... И это хорошо, потому что вопрос требует скоростных действий.

Осинцев прошел за свой рабочий стол, сел в «вертлявое» офисное кресло, вытащил из большого старомодного очечника такие же старомодные и почти раритетные очки и натянул их на нос. Майор вообще любил все старое и старомодное. Например, чай за рабочим столом он пил только из стакана с подстаканником. Сейчас подстаканники, наверное, уже и в магазине не купить, встретишь их только в поездах дальнего следования. Но Осинцев где-то нашел подстаканник и даже, скорее всего, не в поезде украл, потому что в поездах подстаканники с обязательной железнодорожной символикой. И пользовался этой железякой с удовольствием. Когда пил чай, всегда потел и вытирал лысину обязательно чистым, вчетверо сложенным носовым платком.

– Присаживайся, старлей, не стесняйся... – показал майор на стул у приставного стола для совещаний. Стул явно не внушал доверия, но Поленьев все же решил рискнуть и присел на самый краешек. Стул его выдержал, что вызвало восторг начальника штаба, отразившийся в его глазах.

– Не упал? Ну и молодец... А то тут многие падают и говорят, что стул сломан. Просто садиться не умеют, я так думаю. Ты сиди, сиди, не стесняйся... Стул еще почти крепкий...

Старший лейтенант, помня свое звание, не стал объяснять майору, что «почти крепкий стул» звучит тождественно фразе «чуть-чуть беременная женщина». Стул может быть или крепким, или сломанным. Слово «почти» к нему никак не относится.

– Я почти сижу, товарищ майор...

Начальник штаба шутку не понял или не расслышал, уже «нырнув» в собственные мысли. Он вытащил из верхнего ящика стола какой-то документ и стал читать его, одной рукой придерживая на носу тяжелые очки, которые пытались сползти при наклоне. После физической нагрузки у майора и нос вспотел, став скользким, как детская ледяная горка.

– Так вот, значит... Ты у нас, оказывается, имеешь еще одно образование...

– Никак нет, товарищ майор. Если речь идет о высшем образовании, то у меня только одно – военное училище.

– А тут вот... МВТУ имени Баумана...

– Отчислен с четвертого курса, товарищ майор.

– По какой причине, если не секрет?

– Не секрет, товарищ майор. Спецслужбы США причислили меня к какой-то хакерской группе, которая снимала деньги в американских банках и переводила на какие-то европейские счета. Хотя я к этой группе отношения не имел. Вернее, имел, но не прямое. Я со многими из этих хакеров общался через Интернет, получал кое-какие знания, которые мне не могли дать в МВТУ, но ни в каких их делах участия не принимал. Тем не менее отмыться полностью не сумел. ФБР требовало моей выдачи в США, российский суд, рассмотрев дело, им отказал, но я все еще находился под подозрением американской стороны и, чтобы всю эту историю прекратить, забрал из МВТУ документы и поступил в училище спецназа...

- Хитрый, надо сказать, ход. В автобиографии это, естественно, не написал?
- Написал. Этим и заинтересовал ГРУ.
- Понятно. А учился ты, значит, на... На кого?
- На программиста, товарищ майор.
- Но чему-то тебя там все же научили? За четыре-то года...
- Все, чему там учили, я знал и умел еще в средней школе. Своим преподавателям, по большому счету, я сам тогда мог бы преподавать. Сейчас уже многое подзабыл, не потяну на профессора...
- От природы, что ли, этот... компьютерщик?
- Наверное... Кто-то говорил, что так. Впервые я сел за компьютер еще до школы. Машины тогда слабые были, компьютеры только начинали в жизнь входить. И я рос, можно сказать, вместе с ними...
- Теперь я начинаю понимать. ГРУ тебя тогда от преследования ФБР припрятало. А теперь, стало быть... Да, так, наверное, и есть...
- Что теперь, товарищ майор?
- Я вот недавно разговаривал с одним отставником ГРУ. Он солдатом когда-то попал в части ГРУ. А потом в ГРУ стало известно, что за границей на него досье собирают. У него, оказывается, тетка в Италии жила, двоюродная сестра матери. Замуж за итальянца вышла и уехала из Советского Союза. Такую вещь наша служба упустить не захотела. Его уговорили на офицерские курсы пойти. Из солдата стал офицером, потом экстерном училище заканчивал. Вот и с тобой схожая, мне думается, история...
- Извините, товарищ майор, не могу понять, какая история со мной? Что-то не так у меня по службе? Есть ко мне претензии?
- По службе у тебя все так. Пару месяцев назад запросили из центрального аппарата, из управления кадров, характеристику на тебя. Я написал. Хорошо о тебе отозвался. Даже отметил, что ты в бригаде все компьютеры ремонтируешь и настраиваешь.
- Бывает иногда, когда попросят... И что?
- Я не знал, по какому поводу характеристику затребовали. У нас, сам понимать должен, не принято руководящие органы запрашивать. Подумал про себя, что тебе скоро роту получать, вот и ищут место кому-нибудь на смену. А сегодня вот шифротелеграмма насчет тебя пришла. Требуют сегодня же тебя в Москву откомандировать. Причем не в Головное управление, а в какую-то «Вэ-чэ»⁶. Как приедешь, должен позвонить, и за тобой машину пришлют.
- А при чем здесь, товарищ майор, моя учеба в Бауманке?
- Это уже моя инициатива. Я в нашем отделе кадров твое личное дело поднял, посмотрел... Но в запросе на характеристику был отдельный пункт о твоем отношении к компьютерам... И еще вопрос, который меня сильно смутил. Спрашивали про твое умение стрелять одновременно с двух рук. Я так и ответил, что ты в состоянии и с трех стрелять, но у тебя их всего две, а на ногах пальцы не так выросли, чтобы пистолет держать.
- Все равно мало что понимаю. Ладно, постараюсь на месте разобраться. Так что, мне сегодня выезжать, товарищ майор? До поезда четыре часа... Два часа из них до вокзала в Зареченске ехать... А там еще неизвестно, есть ли билеты...
- Билет на тебя уже заказан. В воинской кассе получишь, прямо на вокзале. Сейчас сдавай оружие, оформляй командировку и отправляйся. Насчет взвода договорись с командиром роты. Он без тебя приемо-сдаточный акт подпишет. Хочешь, я поговорю. Акт уже в канцелярии распечатан. Ты со своей стороны подпиши, а я потом подпишу утверждение. Надеюсь, у тебя во взводе все в порядке?
- Так точно, товарищ майор, все в порядке. Могу ехать... Только собраться бы успеть...

⁶ «Вэ-чэ» – воинская часть.

– Жена у тебя, как я понимаю, с ребенком в отъезде... Ждать их времени нам не отпущено. Долго тебе собираться?

– Как раз за оставшееся время уложусь.

– Хорошо. Иди оформляй документы...

Разговор с начальником штаба батальона завершился на удивление быстро. Настолько быстро, что старший лейтенант Поленьев умудрился даже застать в дверях ротной канцелярии выходящего капитана Любимцева. Капитан, увидев Поленьева, удивился больше, чем сам старший лейтенант, и сразу вернулся в канцелярию.

– Рассказывай, что случилось? У Осинцева зубы болят? Или он советовался, каким калибром лучше застрелиться?

Такой короткий разговор с начальником штаба мог удивить в батальоне любого офицера. И вызвать вопросы, хотя в частях спецназа ГРУ не принято задавать вопросы по служебным делам.

– Откомандировывают меня... Срочно и неожиданно даже для Осинцева. Сегодня должен в Зареченске на поезд успеть. Полтора часа до выезда осталось. Билет в воинской кассе заказан.

– Куда?

– В Москву.

– Роту дадут, а потом сразу и звездочку накинут. Пора уже. Не говорят, в какую бригаду?

– Ничего не известно. Информация ниже нуля...

Поленьев не стал объяснять, что откомандировывают не в распоряжение центрального управления ГРУ, как сразу предположил командир роты, а в какую-то неизвестную воинскую часть, скорее всего, подчиненную ГРУ.

– А как же взвод?

– Я в штабе подписал прямо-сдаточный акт. Ты завтра подпишешь. Сверишь все оружие, патроны, имущество со списком и внесешь данные. Потом просто подпишешь, а Осинцев утвердит как положено. В акте данные по прошлой проверке. Во взводе ничего не менялось. Все остальное – просто приказ. Возражений от меня не ждут, да и мнением никто не поинтересовался.

– Это странно. При переводе обычно мнение спрашивают.

– Не спросили вот...

– Я все понимаю, служебные обстоятельства, так сказать. Но меня же жена съест за свой компьютер. Ты же не успеешь наладить?

– Никак не получится. Мне еще собраться надо.

– Ладно... Домашних террористов тоже следует как-то терпеть. Перетерплю. Помощь какая-то от меня нужна?

– На моей машине меня до города отвези, на поезд посади, а машину в гараж поставь. Ключи и документы жене отдашь, когда приедет.

– У тебя страховка какая?

– На предьявителя.

– Годится. Сделаю. Как соберешься, подъезжай к моему дому. Может, к жене хоть заглянешь в компьютер? Для приличия...

– Она мне вчера все по телефону объяснила. Я понял. Там больше часа возиться. Думаю, придется операционную систему переустанавливать. Никак не успею. Она сама виновата, на хрена нужно было в настройки забираться...

– Женщины всегда думают, что на все способны.

– Это их беда.

– Твоя когда возвращается?

- Вот-вот уже должна. Я ей позвоню, уточню, потом тебе...
- Ладно. Беги, собирайся...
- Еще во взвод зайду попрощаться...
- Взвод на полигоне, на занятиях по минному делу. Лучше не отвлекать. Еще расстроится кто-нибудь, взорвется... Там же, сам знаешь, насколько внимательность важна. А у тебя молодых много...
- Тогда завтра за меня попрощайся. Скажешь, что я не успел...
- Сделаю...

Поезд из Зареченска в Москву прибыл ночью, ближе к утру. Рус Григорьевич сразу, только войдя в здание вокзала, позвонил по номеру, полученному от майора Осинцева. На звонок ответил дежурный по части, подполковник, чью фамилию старший лейтенант не расслышал, поскольку на вокзале в этот момент прозвучало какое-то громкое объявление о прибытии нового поезда. Поленьев представился, его попросили подождать, а уже через тридцать секунд сообщили номер машины, которая выезжает за ним. Машина подойдет к вокзалу и будет ждать около платной стоянки. Если дежурный не найдет сейчас нужного сотрудника, отправит одного водителя-солдата. Дежурный так и сказал – «нужного сотрудника», а не офицера, чем слегка смутил старшего лейтенанта, больше привычного к строгим армейским формулировкам, не допускающим расплывчатости понятий.

Значит, предстояло еще больше часа мотаться по многолюдному московскому вокзалу, убивая время. Занятие для энергичного, деятельного человека не самое приятное. Но, как офицер спецназа, Рус Григорьевич был обучен и в засаде сидеть, и ждать столько, сколько это бывает необходимо, так что не сильно расстроился.

Присесть, чтобы отдохнуть, было негде. Поленьев несколько раз обошел по периметру весь второй этаж, спустился на первый, где народу было еще больше, зато в противоположных стенах располагалось два входа-выхода, что создавало небольшой сквознячок. Периметр первого этажа оказался еще меньшим, чем второго, и потому измерять его шагами Поленьеву быстро надоело. Он вышел на улицу, намереваясь продолжить прогулку уже вокруг вокзала, а заодно и посмотреть, где находится платная стоянка для автомобилей, рядом с которой и должен остановиться армейский «уазик».

Постоянно звучащие объявления по громкоговорителям старший лейтенант не слушал, но случайно уловил свою фамилию:

– Пассажир Поленьев Рус Григорьевич, прибывший поездом из Зареченска. Вас встречают у выхода на привокзальную площадь.

Видимо, машина добралась быстрее, чем рассчитывал дежурный по части подполковник. В ночное время, наверное, ездить по Москве можно быстрее, чем днем. И «нужный сотрудник», похоже, нашелся. Сам солдат-водитель не стал бы обращаться в справочную, чтобы пригласить старшего лейтенанта. Рус Григорьевич повернул за угол, посмотрел вперед, на невысокое крыльцо, и увидел там группу из восьми мужчин. Когда он проходил мимо входа, этой группы здесь не было. Один из них, видимо главный, умело распорядился остальными. Двоих сразу послал внутрь вокзала, двоих жестом направил влево от двери, еще двоих вправо, сам с последним остался на крыльце. Вообще-то это сильно напоминало засаду. Классическая блокировка! Но, когда офицер спецназа предупрежден о засаде, он готов с нею встретиться. Более того, видя любую засаду, он по инерции начинает считать, что она устроена на него. Поленьев засады не опасался, спокойно, не меняя темпа, он двинулся к вокзальному крыльцу, готовый к любым неприятностям. Крыльцо было полукруглое, из шлифованного бетона с мраморной крошкой, а значит, по погоде скользкое. Он это сразу учел, зная, как себя вести на скользкой поверхности и как такую поверхность использовать в своих целях.

А ждали именно его, Рус Григорьевич это определил по убегающему в сторону взгляду человека, который распорядился устройством засады. Только лицо это в первый момент выразило некоторую растерянность, а это означало, что ждали его с другой стороны, ждали выходящим из вокзала, а не подходящим сбоку, и потому двоих отправили внутрь. Но менять диспозицию на глазах Поленьева никто не решился. Посчитали, что и шестерых на одного должно хватить. Наивные и излишне самоуверенные люди.

Старший лейтенант поднялся на крыльцо в две ступени, сделал шаг и заметил, как старший почесал затылок, давая команду, а также, не глядя, зарегистрировал шевеление у всех шестерых, что остались вне здания вокзала. Или они все знали его в лицо, или в лицо знал один, который и подал другим сигнал.

Если есть опасность и ее избегать, она будет гнаться за тобой даже в мыслях. Если не разрешить ситуацию сейчас же, она потом может повториться в более сложных условиях. Рус Григорьевич шагнул навстречу опасности. Главный в засаде тут же сделал шаг ему навстречу. Неопытный, слишком рано сделал шаг, отсекая таким образом от действий сразу двоих своих помощников. А четверо – это совсем не шестеро. Пока двое отсеченных сообразят приблизиться, четверых уже можно и «уговорить»...

Глава вторая

Рус Григорьевич уже мысленно просчитал два первых удара, которые сразу резко сократят число нападающих. Для этого ему самому требовалось совершить только один шаг, и точно такой же шаг требовалось совершить первому из засады. Лицо у человека было, как позволил рассмотреть свет над входом, откровенно кавказского типа. И у его ближайшего напарника тоже. Рассмотреть остальных Поленьев не торопился. Успеется...

Но не успелось. Прямо рядом с крыльцом за спиной старшего лейтенанта вдруг закрипели тормоза, резко остановился на тротуаре микроавтобус, сдвинулась дверца салона, и оттуда выскочили два человека с автоматами наизготовку. Лица закрывали маски «ночь». Против двух автоматных стволов даже «человек-оружие» вынужден если не спасовать, то проявить осторожность и дожидаться более удобного для себя момента к сопротивлению. Рус Григорьевич сначала подумал, что все это одна компания. И то, что организатор засады на старшего лейтенанта сделал пару шагов в сторону, никакой роли не играло. Но тут открылась передняя пассажирская дверца микроавтобуса, и на асфальт выпрыгнул человечек до смешного мелкого роста. Хотя вполне возможно, он только рядом со своими автоматчиками казался таким маленьким, поскольку оба они были, как говорят в просторечье, громилы. Человечек шагнул к Поленьеву и, глядя ему в глаза, спросил:

– Старший лейтенант Поленьев?

– Так точно... – привычной армейской формулировкой ответил Рус Григорьевич.

– Разрешите задать вам несколько вопросов...

– Позвольте поинтересоваться, с кем имею честь?

– Подполковник Разметьев, Военный следственный комитет, старший следователь по особо важным делам... – Подполковник показал раскрытое удостоверение, рассмотреть в котором что-то в полумраке было невозможно, и сразу же спрятал его.

– По какому поводу разговор?

– Садитесь в машину, я там вам все объясню.

– Возражения, как я понимаю, не принимаются... – кивнул Рус Григорьевич на автоматные стволы, которые смотрели на него тупо и уперто своими черными равнодушными жерлами.

– Не принимаются, вы верно заметили. Хотя я вас заранее ставлю в известность, что это не задержание. Прошу вас в машину только на несколько слов. Это во избежание различных возможных эксцессов. Конечно, мои подчиненные не верят, что офицер спецназа ГРУ сможет им противостоять, тем более безоружный. Они все-таки тоже спецназовцы. Но я видел ваших парней в действии, наблюдал однажды, как у вас тренируются солдаты, и потому не желаю никому неприятностей. Ни вам, ни своим подчиненным, ни даже себе. Попрошу в машину, Рус Григорьевич. Поговорим «на бережку»...

Поленьев оглянулся. Люди, стоявшие на крыльце, скрылись в здании вокзала. Только-только закрылась дверь за последним.

– А что, своих сотрудников здесь оставляете? – кивнул на нее старший лейтенант.

– Каких сотрудников?

– А эти вот... Восемь типов...

– Мои сотрудники со мной. Вы каких-то посторонних приняли за моих сотрудников... Это бывает, особенно когда человек знает за собой вину. Ладно, садитесь в машину...

Рус Григорьевич заглянул в салон микроавтобуса. Там никого не было. Водитель в форме сидел на своем месте. По логике, два человека в масках «ночь» должны были сейчас разделиться. Один должен первым забраться в салон, а второй с улицы обязан подстраховывать автоматом. Но они, повернувшись, оказались друг за другом. Причем передний мешал действовать заднему. Не умеют парни ситуацию просчитывать. Некому было их учить. Но старший лейте-

нант не собирался необдуманно нейтрализовать их, и не только потому, что его самого сильно интересовали вопросы, которые ему намеревался задать этот подполковник из Следственного комитета, а еще и потому, что никакой вины за собой не знал. Он спокойно сел в салон. Автоматчики тут же заняли места напротив, а подполковник Разметьев забрался на переднее пассажирское сиденье и многозначительно произнес:

– Итак...

– Я готов вас выслушать, товарищ подполковник.

– Нет. Это я готов вас выслушать...

– А я вам ничего не имею сообщить... Если у вас есть что спросить, спрашивайте, а то скоро за мной придет машина, и я уеду. С вашего разрешения или без него...

– Даже так! Ну-ну... Вопрос я задам. Как вы расстались вчера вечером с майором Осинцевым?

Рус Григорьевич вопросу сильно удивился. Он, честно говоря, ожидал, что вопросы подполковника будут касаться недавней полугодовой командировки на Северный Кавказ. Его попытаются заставить вспомнить какие-нибудь подробности, а скорее всего, эти подробности должны касаться трофейного оружия, что осталось во взводе. Но это общепринятая норма. Оставляют обычно себе на усиление ручные пулеметы. Пара лишних ручных пулеметов в дополнение к одному штатному – это безопасность солдат в рейде, это возможность подавления противника плотным массированным огнем, следовательно, опять же забота о жизни солдат. Но и в этом вопросе командира взвода можно было бы только упрекнуть, но никак не предъявить обвинения, потому что найти эти дополнительные пулеметы без «стукача» не сможет самая серьезная проверка. А «стукачей» у него во взводе не было. В этом вопросе Рус Григорьевич готов был руку на отсечение дать. Оказалось, разговор не о том.

– При чем здесь майор Осинцев?

– Я вопрос задал, товарищ старший лейтенант. Повторить? Как вы расстались вчера с майором Осинцевым?

– Обыкновенно расстались. Получил от него приказ, пошел в канцелярию, оформил командировочные документы, продовольственный аттестат, потом зашел к дежурному по батальону, сдал свой пистолет...

– Вот этот вопрос интересный. Вы пистолет, значит, сдали...

– Конечно. Я же не в командировку направлен. Я откомандирован в распоряжение командира другой воинской части. В этом случае табельное оружие сдается на месте предыдущей службы. Все как полагается.

– И обойма была полная?

– Так точно, товарищ подполковник. Полная. И запасная тоже полная.

– Так... Дальше...

– Забыл сообщить, что в связи со срочным отъездом не успел по правилам передать взвод ни новому командиру, который еще не назначен, ни командиру роты, как это полагается делать в подобных случаях. Но начальник штаба майор Осинцев сказал, что приемо-сдаточный акт уже опечатан, мне следует только подписать его со своей стороны, а командир роты подпишет завтра. Майор обещал акт утвердить. Я, естественно, подписал. Потом сообщил об этом командиру роты, который на моей машине и отвез меня на вокзал в Зареченск. Ключи и документы на машину он передаст позже моей жене, когда она вернется из отпуска.

– А к майору Осинцеву вы зачем возвращались?

– Я к нему не возвращался. А что случилось?

– А с чего вы взяли, что что-то случилось? – Подполковник Разметьев резко обернулся и пристально посмотрел на Поленьева маленькими злыми глазами-буравчиками.

– Ваши вопросы дают повод, товарищ подполковник.

– Наручники на него наденьте... – скомандовал Разметьев своим спецназовцам.

– Руки давай, старлей... – рывкнул один из них, доставая уже приготовленные наручники.

Однако в этот момент кто-то сильно стукнул кулаком в дверцу салона микроавтобуса. Так сильно, что Рус Григорьевич мог бы без проблем воспользоваться ситуацией и уложить и спецназовцев, и подполковника вместе с водителем. Но что это дало бы? Поленьев считал, что стал жертвой какого-то недоразумения, и был уверен, что это недоразумение быстро разрешится, а его активное сопротивление, напротив, будет отягчающим обстоятельством. И не стал действовать на опережение.

Подполковник Разметьев опустил стекло в своей дверце и высунулся, явно желая окрикнуть кого-то, но как-то вдруг весь сжался и стал похож на перепуганного мальчишку. Он очень вежливо поздоровался в окно и бросил через плечо:

– Откройте дверь...

Один спецназовец все так же держал в руках наручники, а второй, опустив ствол автомата в пол, протянул руку и открыл дверцу. Она сдвинулась до упора и зафиксировалась в открытом положении. Рядом с машиной стоял человек в гражданской одежде, высокий, сухощавый, с тяжелым суровым взглядом.

– Иван Афанасьевич, я думал, вы правильно поняли мое недавнее к вам обращение... – с укором сказал он, обращаясь к подполковнику Разметьеву.

– Товарищ полковник, я просто произвел задержание главного подозреваемого в убийстве, и все. Несмотря на ваше предупреждение, я обязан так поступить...

– Вы суетесь в дела, которые вас не касаются и к которым у вас по вашему служебному рангу просто нет доступа. Я вас предупреждал. А вы продолжаете упорно мешать проведению операции ГРУ, о которой вам даже знать не положено. Короче говоря, так, Иван Афанасьевич, я забираю у вас старшего лейтенанта Поленьева, освобождаю его и попрошу вас впредь не мешать ему выполнять свой служебный долг.

– Я вынужден буду написать рапорт в ваше Управление собственной безопасности, товарищ полковник. И обоснованно докажу, что вы старательно не позволяете нам вести следствие. Не понимая, чего вы добиваетесь, я могу предположить только меркантильные соображения.

– Генерал-полковник Безверхний⁷ объяснит соседнему управлению суть. Он в курсе. А вы, товарищ подполковник, можете по этому поводу даже президенту писать... Вам и там укажут на ваше место. В вашем возрасте пора уже понимать, что есть темы, которые вас не касаются. Ростом не вышли. Пойдем, старлей, за тобой уже машина пришла.

Рус Григорьевич приподнялся, чтобы выйти из машины, но подполковника Разметьева, похоже, какая-то змея в ягодицу укусила. Наверное, сухощавый полковник зря про рост упомянул, карлики всегда это болезненно воспринимают.

– Я не могу допустить такого самоуправства! Майор! – грозно прикрикнул он, и спецназовец открывавший дверцу салона, вытянул ногу, как шлагбаумом перекрывая выход, а его напарник, не выпуская из руки наручники, попытался ухватиться за свой автомат. И даже сумел ухватиться, но сразу выронил его на пол, получив от старшего лейтенанта удар локтем в челюсть. А вытянутая нога выполнить незавидную роль шлагбаума не смогла, потому что имела слишком слабое, к тому же открытое для удара каблук место – коленный сустав. Каблук ударил резко, «шлагбаум» упал под человеческий стон. Полковник в штатском стоял за дверцей с пистолетом в руке и недобро усмехался.

– Подполковника можешь не бить, старлей. Его женщина плевком перешибет – он у нас такой нежный. А тебе сейчас совсем не нужно, чтобы на тебя убийство повесили. Иди к машине.

– Автоматы... – напомнил Рус Григорьевич.

⁷ Генерал-полковник Александр Безверхний, начальник управления военной контрразведки ФСБ России.

– Иди к машине. Уедешь, я их через пять минут отпущу. В меня они стрелять не посмеют. Да и я сам успею на опережение пулю послать.

Старший лейтенант покинул салон микроавтобуса и сразу увидел, где стоит «уазик» с военными номерами. Подбежав, открыл заднюю дверцу и буквально упал на сиденье. «Уазик» сразу сорвался с места и переехал на встречную полосу, начиная движение в обратную сторону.

Только после этого разворота Рус Григорьевич обратил внимание, что кроме водителя в машине на переднем сиденье находится и пассажир. То есть, говоря точнее, пассажира этого он увидел сразу, но только сейчас сумел рассмотреть немолодого мужчину в очках.

– Помнишь адрес? – спросил тот водителя.

– Конечно, – ответил солдат за рулем, включил сигнал поворота и повернул куда-то на боковую улицу.

Рус Григорьевич почти не знал эту часть Москвы, не ориентировался, где они едут, тем не менее легко запоминал и дорогу, и приметы: повернули направо около аптеки, затем через три квартала прямолинейного движения за небольшим сквером последовал поворот налево и так далее. Наконец «уазик» заехал во двор большого многоэтажного дома, стоящего буквой «П», и человек с переднего сиденья выпрыгнул еще до того, как машина остановилась, показав, что он не так стар, как могло показаться из-за его короткой бороды с проседью. «Уазик» остановился рядом с металлическим гаражом-«ракушкой».

– Выходите, – потребовал водитель. – Дальше поедете с профессором. Меня на выезде обязательно тормозить будут. А я вас не видел, я командира части домой отвозил. Ошиблись те типы с номером, и все. Командир даже время подтвердит...

Старший лейтенант Поленьев не стал спрашивать, кто и по какой причине будет тормозить «уазик» на выезде из Москвы. И так все понятно. Он молча вышел из машины, и она сразу уехала.

Тем временем из гаража с чиханием выбрался старенький запыленный «Москвич», водитель, который оказался, ко всему прочему, еще и профессором, потянулся и изнутри открыл переднюю дверцу, приглашая старшего лейтенанта сесть. Поленьев сел, давно уже забыв, что такое «Москвич» и какие звуки он издает при движении. Профессор не поленился закрыть гараж-«ракушку» на тяжелый висячий замок. И – поехали.

Неподалеку от проезда под МКАД идущая позади машина неожиданно мигнула ярким светом фар.

– Полковник нас пугает, – посмотрев в зеркало заднего вида, объяснил профессор и тут же включил правый сигнал поворота, стал прижиматься к бордюру. – Опять сигналист. Остановиться, наверное, просит...

«Москвич» скромно остановился. Старший лейтенант вышел из машины первым. Позади притормозил ярко-синий «Форд Мустанг» с двумя черными полосами на капоте и такими же полосами на крыше. Из мощной спортивной машины вышел полковник, освободивший старшего лейтенанта от домогательств старшего следователя по особо важным делам Военного следственного комитета. В руках он держал большую двухлитровую пластиковую бутылку пива и камуфлированный армейский бушлат без погон.

– Скоро пост будет. Всех, думаю, будут тормозить, кто город покидает. Куртку надень, погоны свои прикрой. И пиво пей. Прямо при ментах. Ты же не за рулем, тебе можно. Пьющего с утра пиво никто не заподозрит... Поезжайте чуть быстрее, а то мне приходится ехать неприлично медленно для моей машины. Если что, я прикрою... И еще... – Полковник назвал фамилию, имя-отчество, год рождения, место работы, должность и адрес регистрации.

– Запомнил?

Рус Григорьевич без заминки повторил.

Оставалось надеяться, что полковник «прикрывать» намеревается не с помощью пистолета. Новые эксцессы старшему лейтенанту, и без того ничего не понимающему в происходящем, казались лишними.

Как и предположил полковник, сразу за МКАД стояли три патрульные машины ГИБДД и останавливали всех, выезжающих из Москвы. В каждой машине сидели по два дорожно-патрульных инспектора и по два омоновца. Естественно, остановили и «Москвич».

Подошел инспектор, козырнув, представился, попросил документы. Профессор протянул их, а старший лейтенант на глазах инспектора приложился к уже початой бутылке пива. Половину содержимого он вылил еще по дороге. Инспектор заглянул в салон, потянул носом.

– Кого везете? – поинтересовался, словно бы между делом.

– Муж дочери... Все время забываю, как это называется... Зять, что ли?..

– Зять... – подтвердил инспектор, возвращая документы. – Куда направляетесь?

– На дачу. Всю зиму там не были. Глянуть хоть, что творится... А то у соседа в прошлом году в доме всю зиму бомжи ночевали. Загадили все...

– Бомжи попадутся, лучше не стреляйте в них, – шутливо посоветовал инспектор, – а то потом другие могут дом сжечь. Продолжайте движение. Счастливого пути... – Он еще раз аккуратно козырнул.

Омоновцы за время проверки в сторону «Москвича» даже не посмотрели. Вместе со вторым инспектором они стояли возле красивого «Мустанга», то ли проверяя что-то, то ли просто любуясь машиной.

«Москвич» скорость набирал медленно, и скоро мимо него стремительно пролетел мощный «Мустанг». Полковника тоже надолго не задержали...

Дальше по шоссе ехали недалеко, по подсчетам Руса Григорьевича, около двадцати километров. Задние огни «Мустанга» уже давно потерялись из вида, когда «Москвич» начал поворачивать направо. Около двух километров ехали по укатанной проселочной дороге, даже какую-то просыпающуюся деревню миновали, после чего профессор снова повернул. Уже светало. Впереди показались бетонный забор и ворота, которые при приближении машины открылись сами собой, видимо, за воротами их уже ждали. Два солдата с повязками помощника дежурного на рукавах придерживали створки. «Мустанг» стоял на небольшой площадке сразу за будкой КПП. Рядом с ним поставил свой «Москвич» и профессор. Из «Мустанга» вышел полковник, которому Рус Григорьевич сразу отдал пластиковую бутылку с остатками пива. Сам он после проезда поста ГИБДД к пиву не притронулся. Не был любителем этого напитка...

Глава третья

– Пойдемте ко мне в кабинет, – предложил профессор и, не дожидаясь согласия, двинулся по дорожке в сторону двухэтажного корпуса. Полковник молча пошел за ним. Старший лейтенант Поленьев, понадеявшийся было получить какие-то объяснения, вздохнул и двинулся следом за полковником.

Кабинет профессора располагался на первом этаже корпуса. Прошли мимо дежурного подполковника, который пытался что-то доложить профессору, но тот остановил его движением руки. Хозяин открыл дверь своим ключом, включил свет, хотя за окнами было уже светло, и сразу же задернул на окне плотные шторы.

– Присаживайтесь... – предложил он, почесал бороду и шумно перевел дыхание. – Стар я стал для таких переживаний. Нервничаю...

– А что вообще случилось-то? – Старший лейтенант решил, что подошло его время задавать вопросы. Как ни суди, а вся заваруха произошла именно вокруг его персоны.

– Если бы кто-то мог сказать, что случилось, подполковник Разметьев не интересовался бы твоей особой, старлей, – жестко ответил полковник. – Да, я же не представился. Полковник Самородников, третье управление ФСБ России. Надеюсь, удостоверение тебе показывать не нужно, так поверишь?

– Поверю. Военная, значит, контрразведка... Не понимаю, чем я мог вас заинтересовать...

– Если бы только нас, это было бы еще не так страшно, – серьезно заметил Самородников, дожидаясь какого-то дополнительного вопроса со стороны Руса Григорьевича. И вопрос прозвучал:

– А кого еще?

– Начнем по порядку? – Полковник посмотрел на профессора, тот согласно кивнул, предоставляя военному контрразведчику право вести разговор. Но и сам слушал внимательно, глядя на Руса Григорьевича умными глазами.

– Если по порядку, то сначала твоей личностью заинтересовался профессор Безбородов, вернее, некоторыми отдельными способностями старшего лейтенанта Поленьева. Правда, вышел профессор на него не сам, он только составил заявку на офицера, отвечающего необходимым для его экспериментов качествам, и в ГРУ предложили несколько кандидатур. Заочно познакомившись с каждым, профессор выбрал, старлей, тебя. Ты подходишь по нескольким основным параметрам, тогда как остальные в большинстве своем подходили не больше чем по одному или двум.

– Можно спросить, товарищ полковник, какие параметры интересовали профессора... Безбородова? – При произнесении фамилии профессора Поленьев невольно бросил взгляд на профессорскую бороду и поймал в ответ ухмылку со стороны обладателя этой бороды. – Может, какое-то из этих качеств прольет свет на интерес, который проявляет ко мне подполковник Разметьев.

– Все вместе, в совокупности, твои качества и проливают свет. Но профессора интересовала в первую очередь твоя компьютерная подготовленность, боевая подготовка и умение одновременно выполнять несколько задач. По крайней мере, одновременно наблюдать за несколькими, скажем так, событиями.

– Насчет последнего я не совсем понял. Но, надеюсь, мне объяснят, что это такое.

– Это ваша одновременная прицельная стрельба с обеих рук, – кратко сообщил профессор Безбородов. – Признаться, меня интересует не сама стрельба, а возможность одновременно наблюдать за событиями на нескольких мониторах. Но это похоже... Мы имели возможность

проводить сравнительные испытания. Дело было несколько лет назад. И испытания показали, что одно, как правило, бывает связано с другим. Это особое свойство человеческого мозга.

– Такой навык больше присущ охранникам, работающим с системами видеонаблюдения.

– Но у охранников нет вашей боевой подготовки и вашего умения компьютерщика, – возразил Безбородов. – А это для нас очень важно.

– А меня, скажу честно, – перебил профессор полковник Самородников, – как офицера, и сам метод стрельбы интересует. В запросе, насколько я помню, указывалась одновременная *прицельная* стрельба сразу с обеих рук. Я просто только на свой опыт опираюсь и потому не представляю, как можно одновременно прицеливаться двумя глазами...

– Этот метод, товарищ полковник, не предполагает использование двух глаз для прицеливания. Это ковбойский метод стрельбы.

– Я понял, – сказал Самородников. – Знаком с ним только понаслышке. Однако мне кажется, что такая постановка вопроса, возможно, и не устроит нашего уважаемого профессора.

– Что меня не устроит? – не понял Безбородов.

– Так называемый ковбойский метод стрельбы, хотя я сомневаюсь, что его породили действительно ковбои, поскольку он не может использоваться при стрельбе из револьвера, а классические ковбои пользовались как раз револьверами. Пистолет увидел свет позже.

– Мне это все равно ничего не говорит, – признался профессор.

– Это просто... – Поленьев постарался говорить доходчиво. – Когда вы показываете на кого-то или на что-то, вы чем это делаете?

– Пальцем чаще всего. Указательным. Хотя иногда и простым кивком пользуюсь.

– Кивок здесь не годится. А вот указательный палец потому и называется указательным, что он указывает. И, как выяснили физиологи, достаточно точно. У человека два указательных пальца. При стрельбе палец ложится вдоль ствола так, чтобы не мешать затвору передвигаться и стреляной гильзе вылетать. Стрелок показывает на цель указательным пальцем, а средним пальцем нажимает курок. Вот и вся премудрость.

– А что меня может в этом не устроить, товарищ полковник? – спросил Безбородов. – Я лично, скажу честно, вполне удовлетворен ответом старшего лейтенанта.

– Ну как, вас же заинтересовала синхронность выстрелов, способность следить сразу за двумя целями...

– А чтобы указать на цель пальцем, за ней разве не обязательно следить? – резонно возразил профессор.

Полковник Самородников промолчал.

– Но мне перечень некоторых моих боевых качеств никак не объяснил ситуацию с попыткой задержания, – постарался вернуться к изначальной теме Рус Григорьевич. Понятно было, что она волновала его больше всего.

– Да-да, я продолжу, – с некоторым интересом посмотрел на Поленьева полковник. – У меня вопрос по существу. Как ты, старлей, расстался со своим начальником штаба майором Осинцевым?

– И вас, товарищ полковник, этот же вопрос интересует... Меня о том же спрашивал подполковник Разметьев. Разрешите узнать, чем вызван интерес к майору Осинцеву?

– Так ты, старлей, вообще не в курсе того, что случилось?

– Никак нет, товарищ полковник.

– Тогда рассказывай все по порядку, вплоть до встречи со мной. Даже с мелкими незначительными моментами. А потом я тебе объясню суть...

В армии старшему по званию не возражают только ради того, чтобы побыстрее удовлетворить свое любопытство. Пришлось начать с самого начала, с того, как командир роты неправильно положил трубку на телефонном аппарате, в результате чего в ротную канцелярию при-

шел дневальный и передал приказ начальника штаба срочно явиться к нему. Рассказал и о том, что майор Осинцев в момент появления командира взвода занимался отжиманием от пола, поставив к двери изнутри стул. Передал всю суть разговора с начальником штаба, хотя в основном своими словами. Потом поведал в полной последовательности о своих действиях в штабной канцелярии и о том, как сдавал пистолет дежурному по батальону. Этот момент почему-то особенно заинтересовал полковника Самородникова.

– Ты сам видел, как дежурный убрал пистолет в оружейный сейф?

– Не в оружейный, товарищ полковник, а в свой, в дежурный. Оружейный сейф находится в оружейной горке. Нужно несколько печатей вскрывать, открывать несколько замков. А тут мы просто оформили сдачу по акту, который был уже заготовлен, и все.

– Патронов сколько было?

– Полная обойма. Я обойму перед сдачей вытащил и приложил к пистолету отдельно, вместе с запасной. Дежурный так по отдельности и убрал это в свой сейф.

– А ключи от сейфа?

– Точно не помню. Кажется, он их со стола брал, а потом туда же и положил. Нет, – наморщил лоб старший лейтенант, сосредоточенно вспоминая, – положил в ящик стола. В верхний ящик. Точно.

– Еще вопрос касательно майора Осинцева. Когда ты пришел к нему, сейф у начальника штаба был открыт?

– Никак нет. Закрыт. Майор Осинцев на моих глазах вытащил из ящика стола листок бумаги, сообщил мне, что пришла шифротелеграмма относительно меня, прочитал ее, задал несколько вопросов, после чего встал, открыл сейф и убрал туда шифротелеграмму. Сейф у него за спиной у стены стоит, чуть справа от кресла.

– Да. Я видел. Я не был там, но уже после твоего отъезда в кабинете проводили видеосъемку, и мне переслали через Интернет видеосюжеты. Тогда вопрос такой. Где Осинцев держал ключи от сейфа?

– Когда открывал, вытащил их из кармана. Потом сейф закрыл и... Минутку, я попробую восстановить в памяти этот момент... – Рус Григорьевич закрыл глаза и снова сосредоточился. – Да. Он положил ключи в карман шинели. В двух шагах от сейфа вешалка стоит. На ней висела шинель товарища майора. Он шагнул к вешалке и сунул ключи в карман шинели. Я, помню, еще подумал, что майор домой собирается. Но он снова сел за стол...

– В карман шинели... – Полковник вытащил трубку смартфона с большим экраном, нашел нужный номер и одним нажатием вызвал абонента. Потом сразу убавил звук, чтобы разговор никому не был слышен. – Анатолий Николаевич, да-да, это я... Я в курсе. Мы с ним как раз и беседуем. Не столь суть и важно где... Я про сейф Осинцева. Ты еще на месте? Ладно. Тогда позвони местному сотруднику, пусть посмотрит ключи от сейфа в кармане шинели. Там же, на вешалке висит... Да. Пусть посмотрит... И мне сообщи...

Он убрал трубку в карман и посмотрел на Поленьева равнодушным, ничего не выражающим взглядом.

– Так что все-таки случилось? – не выдержал Рус Григорьевич.

– Случилось то, что майор Осинцев после твоего, старший лейтенант, ухода от него застрелился. Причем застрелился из твоего пистолета, с которого почему-то были стерты все отпечатки пальцев. В том числе и твои. При этом совершенно непонятно, почему, имея свой собственный наградной пистолет, майор Осинцев предпочел воспользоваться твоим. И как он вообще его получил? Дежурный вместе со своим помощником, сержантом-срочником Анваром Киреевым, в один голос уверяют, что начальник штаба к ним в дежурную часть не заходил. При этом дежурный помнит, что положил твой пистолет в сейф, и даже продемонстрировал следствию акт приема-сдачи оружия. Правда, акт, так и не утвержденный начальником штаба. А об исчезновении пистолета ничего вразумительного сказать не может.

– Разрешите вопрос, товарищ полковник?

– Разрешаю.

– Сначала подполковник Разметьев, потом вы спрашивали меня о количестве патронов в обойме. Чем этот интерес вызван?

Полковник Самородников поморщился. Он, похоже, не любил давать расплывчатые ответы.

– Тем, что в обойме все патроны на месте. Пистолет валялся рядом с креслом начальника штаба. Он застрелился, если застрелился, сидя в кресле. Но обойма была полная.

– Патрон мог быть в патроннике, – предположил старший лейтенант.

– А то мы не догадались... Но в этом случае после выстрела следующий патрон из обоймы ушел бы в патронник. А он не ушел... И что это может значить?

– Это может значить только одно, – категорично заявил Поленьев. – Майора Осинцева застрелили. А после этого вставили обойму в пистолет. Хотя и непонятно, зачем это было сделано. Может быть, специально, чтобы напустить тумана и запутать следствие. Иначе это все никак в одну систему не складывается. Но при чем здесь я? Дежурный по батальону может подтвердить, что я не возвращался и не брал пистолет у него из сейфа.

– Тут есть небольшой нюанс... Мне переслали показания помощника дежурного по штабу. Этот сержант сообщил, что дежурный задремал, а ему приспичило в туалет сходить. Туалет в другом конце коридора. Он разбудил дежурного, тот разрешил ему отлучиться, но когда сержант вернулся, дежурный снова спал. Но вот что интересно. Когда сержант шел обратно, он видел, как кто-то вышел из дежурной части и сразу поднялся по лестнице. По фигуре этот неизвестный издала походил на тебя, старший лейтенант. Но точно утверждать это сержант не может. Коридоры в вечернее время не освещены, и он плохо рассмотрел неизвестного человека. Тебя сержант раньше видел, но лично с тобой не знаком, и потому его показания только предположительны. Неизвестный человек поднимался по лестнице. А кабинет начальника штаба находится, если ты не забыл, на втором этаже в правом крыле. Что на это скажешь?

– Ничего не скажу, товарищ полковник. Надеюсь, что следствие разберется. Но, если бы там был я, зачем мне нужно было вставлять после выстрела обойму в пистолет? И зачем потребовалось отпечатки пальцев стирать? Там и без того были только мои отпечатки. Мои и еще дежурного по батальону, который убирал пистолет в сейф. Но палец на спусковой крючок он не клал.

– Ну, с отпечатками все просто. Если бы остались только твои отпечатки, никаких вопросов не оставалось бы. Виновен, и все! А если отпечатков нет, то преступник мог стереть свои. Ты все равно под подозрением и можешь не обижаться на подполковника Разметьева. Он только хотел по горячим следам раскрыть преступление. И не вмешайся я... Разметьев прилетел в Москву служебным вертолетом. Хотя я специально звонил ему и просил не вмешиваться в ситуацию, которую мы раскручиваем. Я, к сожалению, сам вести следствие не уполномочен, но на месте Разметьева вел бы себя точно так же...

– Точно так же неумело?

– Что ты хочешь этим сказать?

– Если бы я знал, какие обвинения мне предъявляют, я не позволил бы посадить себя в машину. Сразу после того как подполковник Разметьев отпустил восьмерых помощников, я мог бы уложить на месте его парней и водителя и уехал бы на их машине. А потом сам искал бы убийцу.

– И сорвали бы мне всю работу... – вступил в разговор профессор Безбородов. – Не для того вас из бригады вытаскивали, чтобы вы следствие вели. И хорошо еще, что товарищ полковник поехал с нами на вокзал, чтобы в машине обговорить с вами эту ситуацию. Когда мы остановились, он сразу узнал машину Военного следственного комитета и, заподозрив недоброе, пошел разбираться...

– Одну минутку, профессор... – подняв руку, прервал его полковник. – Старлей, про каких восьмерых ты говоришь? С Разметьевым было только два спецназовца и водитель, тоже, кстати, парень не хилый и чего-то стоящий.

Пришлось старшему лейтенанту рассказать и про объявление на вокзале, и про то, как он увидел и просчитал засаду у дверей. И про то, как люди из засады сразу ушли, как только Разметьев предложил Поленьеву сесть в машину для разговора.

– Кого же ты мог заинтересовать, кроме военной контрразведки? – задумчиво проговорил Самородников. – Насчет контрразведки – все ясно. Мы прикрываем проект профессора Безбородова, ты становишься участником проекта, значит, мы автоматически прикрываем тебя. Но мне сдается, что убийство майора Осинцева, а это было, несомненно, убийство, а не самоубийство, которым тебя пытались подставить, хотя и неумело, показывает нам всем, что есть еще одна заинтересованная сторона. В тебе заинтересованная. Твой потенциальный противник. И эти восемь человек на вокзале – это из той же команды. Я точно знаю, что Разметьев взял с собой только двух спецназовцев, которые встречали его сегодня на машине в аэропорту Жуковского. Мне это уже доложили. А вот восемь человек, что встречали тебя у входа в вокзал, меня очень интересуют. Полковника Разметьева нюх подвел. Он слишком увлекся своей версией, надеялся, наверное, с ходу получить от тебя, Рус Григорьевич, признательные показания, и потому на тех парней внимания не обратил. А следовало бы. Надо было хотя бы пару минут подождать, не высовываться из машины, и тогда, возможно, он уже допрашивал бы настоящих убийц Осинцева.

Профессор Безбородов был, видимо, человеком настолько увлеченным своей работой, что на него не действовала бессонная ночь. Кажется, он решил, что старший лейтенант такой же, поэтому дал ему только двадцать минут для устройства в отведенной Поленьеву для временного проживания комнате и уже ждал его в своем кабинете, чтобы приступить к первым экспериментам. Полковник Самородников в отличие от профессора часто позевывал и выглядел усталым. Завершив разговор со старшим лейтенантом, он пошел отсыпаться. Видимо, у полковника на территории этой воинской части тоже была своя комната.

Руса Григорьевича до его комнаты, что располагалась в соседнем корпусе, провожал посланный профессором солдат из внутреннего караула, внешне больше похожий на аспиранта, чем на солдата. А уж автомат на плече этот солдат носил, как огородник лопату.

– Давно служишь? – спросил Поленьев, когда солдат открыл дверь его комнаты и передал из рук в руки ключ.

– Через два месяца год будет. Наверное, останусь по контракту служить. Уже почти уговорили.

– Кем? Караульным? Местный огород охранять? – неловко пошутил старший лейтенант.

– Зачем караульным? – не понял шутки солдат. – Как и все... Научная рота...

Что-то о таких ротах Поленьев уже слышал. Армия набирает молодых толковых ученых, чтобы они не растрчивали свои знания там, где их и можно только растратить, но трудились бы на армию, одновременно приобретая новые знания.

– Научная рота... Хорошее дело! – похвалил он так, словно отлично знал, что это такое. – Но автомат тоже нужно учиться правильно носить. Иначе ты – не армия...

Солдат ушел. Поленьев разобрал сумку с вещами. Хотел уже идти к профессору, но, посмотрев на часы, увидел, что имеет в запасе еще восемь минут, и подошел к окну, чтобы осмотреть территорию, на которой ему, как он понял, предстояло какое-то время жить. И сразу удивился увиденному. По тротуару мимо корпуса ехал танк. Но не настоящий, а какой-то внешне почти игрушечный, хотя, как показалось, и достаточно высокий. Тем не менее он ехал и даже башней шевелил, хотя на башне у него была установлена не серьезная танковая пушка, а, скорее всего, тридцатимиллиметровая автоматическая пушка от боевой машины

пехоты, только с укороченным стволом, и спаренный с нею пулемет ПКТ⁸. Но на башне были дополнительно установлены четыре гранатомета и два ПТУРа⁹, которые тоже пошевеливались, повинуваясь чьей-то воле, словно цель искали. Удивление Поленьева было вызвано тем, что он не мог представить себе танкистов, разъезжающих на этом танке. В него от силы могли бы поместиться дети возраста двух-трех лет, еще не научившиеся твердо ступать по земле, но и им это было бы трудно. Там должен стоять заряжающий автомат для пушки, там же должен располагаться боезапас. А взрослому человеку, даже с ростом подполковника Разметьева, разместиться там вообще невозможно. Впрочем, удивление длилось недолго. Скоро вслед за танком, глядя на него, а не себе под ноги, мимо корпуса прошел солдат, державший в руках пульт управления, похожий на тот, с каким работают моделисты-конструкторы. И Рус Григорьевич догадался, что мимо него проехал настоящий боевой робот, управляемый солдатом с дистанции. Как всякий действующий офицер, он про боевых роботов и слышал, и читал – и в Интернете, и в специализированных военных журналах. Просто пока не знал, куда, в какую воинскую часть в настоящий момент прибыл, кто здесь служит и что делается за этим тяжелым бетонным забором высотой около двух с половиной метров. Не осознал еще, хотя присутствующий в воинской части профессор, возможно воинского звания не имеющий, казался здесь не посторонним человеком и даже не последним по значимости лицом. Наличие солдата научной роты на территории воинской части тоже могло бы дать подсказку. Но подсказал только боевой робот – здесь располагалась военная лаборатория. При этом Рус Григорьевич прекрасно помнил, что профессору Безбородову требовался человек, обладающий боевыми навыками и боевым опытом, и понял наконец, для чего был откомандирован в эту часть. Из офицера спецназа желали сделать испытателя роботов в боевой обстановке. Такие случаи бывали неоднократно, слышал Поленьев, но тогда отбирали просто лучших. Сейчас же потребовался человек с инженерным складом ума и с какими-то особенностями в работе мозга. Понятно, что солдата научной роты, который автомат на плече носить не умеет, не пошлют куда-то в «горячую точку», даже если этот солдат сам пожелает. Там его ждет только одно – скоростная гибель, при этом гибель, возможно, и бесславная, при невыполненном задании. Погибнуть могут все. Даже самые подготовленные офицеры спецназа, случается, гибнут, хотя и очень редко. Но они могут и за себя постоять, и задание выполнить. При этом приоритет должен отдаваться заданию, как всегда в «горячих точках». Солдаты научной роты, конечно, могут принимать участие в испытаниях, но только на полигоне, где они будут стрелять с помощью робота, но никто в них самих стрелять не будет. Настоящие испытания можно проводить только в какой-то «горячей точке». Так, боевая оснастка «Ратник» прошла «обкатку» в регионе Северного Кавказа. Испытывались и костюмы, и оружие, и электроника разного уровня: от планшетников до простейших средств связи внутри подразделения. Там же испытывалось и оружие...

⁸ Пулемет ПКТ – пулемет Калашникова танковый, калибра 7,62 миллиметра.

⁹ ПТУР – противотанковая управляемая ракета.

Глава четвертая

Салман поднял руку и обернулся, призывая к вниманию и тишине свою маленькую группу. Правда, пока она еще находилась на территории, которую условно можно было называть своей. И проползали бойцы неподалеку от точки, где стоял часовой, образно говоря, тоже относительно свой...

Выждав пару минут, Салман снова начал движение. Но перед этим показал за спиной кулак, еще раз предупреждая о необходимой осторожности при передвижении.

Бойцы группы Салмана умели передвигаться и бесшумно, и незаметно. По этому принципу майор Салман Цхогалов и набирал их в группу. Там, на базе спецназа МВД Чечни, было немало хороших и неуступчивых бойцов, которых даже встречей с дивом не испугаешь. Они через многие испытания прошли и не сломались. Все с характером были. Но в эту сложную командировку Салман отобрал себе тех бойцов, кто лучше других умеет соображать и кто умеет передвигаться бесшумно и незаметно. Лучших взял...

И не пожалел об этом. По большому счету, все трое помощников Салмана в боевой обстановке стоили десятка неподготовленных людей или пятерых достаточно опытных, но не прошедших учебную школу спецназа. И они уже доказали это. За три месяца пребывания в Сирии было ликвидировано пятнадцать чеченских боевиков, тех, кто планировал после завершения сирийской войны вернуться на родину и устанавливать свои порядки там. Уничтожение этих пятнадцати спасло жизни не менее чем сотне мирных жителей, ни в чем не повинных людей, которым бандиты намеревались принести смерть. Именно с этой целью группа и прибыла в Сирию. Альви Аббасов, капитан спецназа МВД, Олхазар Абдулрахимов, старший лейтенант спецназа МВД, и просто старший сержант того же подразделения Вадуд Дикалуев, лучший снайпер всего чеченского спецназа, который и без оптики умел пулей сбить летящую в воздухе птицу, не дробью, как стреляют охотники, а именно пулей, что вообще редко кто умеет. Правда, здесь, в Сирии, Вадуд снайпером не представился. Иначе ему вручили бы снайперскую винтовку и отправили бы убивать сирийцев. Все равно кого... Военных, значит, военных, мирных жителей, значит, мирных жителей, женщин, значит, женщин. Короче говоря, любого, кто в прицел попадет. Таков здешний порядок. Правда, хорошую канадскую винтовку для Вадуда Салман добыл. Но и он сам всем, кто интересовался, говорил, и Вадуд на все вопросы тоже отвечал, что только учится на снайпера. Очень хочет научиться, но пока не получается. Не очень получается...

Тем не менее именно старшему сержанту Дикалуеву принадлежит заслуга в ликвидации восьми бандитов из пятнадцати. В настоящих условиях их гибель легко списывали на сирийских снайперов. Человек не постоянно сидит в окопе на одном месте, и потому трудно бывает понять, откуда стреляли. Тем более что серьезные пули снайперской винтовки при попадании в человека часто отбрасывали и разворачивали тело, и почти невозможно определить место, откуда пуля прилетела. И не только место, но даже направление. Следствия в боевых условиях никто не чинил, и этим стоило пользоваться. Конечно, уничтожать соотечественников – дело не самое приятное. Но если вникнуть в суть, если понять, что эти соотечественники готовятся вернуться и в твое отсутствие сжечь твой дом, убить жену, детей и престарелых родителей, тогда миссия ликвидаторов уже кажется естественной и необходимой.

Майор Салман Цхогалов давно уже наладил партнерские отношения с ГРУ. Еще дома, на Кавказе, он во главе своего подразделения часто проводил совместные операции вместе со спецназом военной разведки. И тогда выполнял ту же самую задачу по уничтожению бандитов и террористов. Поэтому не очень удивился, когда ему предложили сформировать и возглавить группу с той же задачей, только проводить работу в Сирии. Вот когда сгодились связи с ГРУ. Салману удалось добыть по своим каналам информацию, которой не располагали даже род-

ственники бандитов. Это в значительной мере и определило место работы его группы. А потом и ГРУ, в свою очередь, вышло на связь с майором Цхогаловым и предложило ему сотрудничество. Правда, не с официальной структурой Главного разведывательного управления, а с частной военной компанией «Волкодав», официально нанятой правительством Сирии для выполнения отдельных конкретных задач, в основном по обучению спецназа сирийской армии. Но задания были и другими. В том числе и боевыми. Наладить такое сотрудничество показалось Салману делом выгодным и не слишком сложным, потому что боевой группой частной военной компании командовал старый его знакомый, с которым они вместе ловили боевиков и уничтожали банды еще там, на Кавказе, в самой Чечне и на ее границах.

И сейчас майор Цхогалов вел группу на встречу с «волкодавами» в середине разделительной зоны двух противостоящих сил. Бывший старший лейтенант спецназа ГРУ Сергей Ильич Лесничий хотел передать майору чеченского спецназа предложение ГРУ...

Ползти пришлось долго. Кто не ползал на дальние расстояния, не может себе представить, как быстро начинают ныть колени, ободранные даже сквозь форменные штаны. Кожа огнем горит. Тем более почва здесь такая, что мелких камней больше, чем настоящей земли. Точно такая же история с локтями. Салман слышал, что в новой форме Российской армии используются мягкие пластиковые наколенники и налокотники. Но не будешь же щеголять российской форменной одеждой среди бандитов «Джабхат-ан-Нусры». Могут ведь не понять...

И потому приходилось терпеть. Так и добрались до небольшой высоты, обозначенной как место встречи. У Салмана Цхогалова только у одного из всех был бинокль с тепловизором, и потому он еще у «подошвы» высоты «прощупал» нужный склон чутким к теплу прибором и увидел светящуюся зелень фигурку, что присела на камень примерно там, где и договаривались о встрече. На всякий случай, соблюдая естественные меры безопасности, Салман и весь склон осмотрел с той же привычной для себя тщательностью. Больше там никого не было, значит, Лесничий пришел один. В принципе, это не имело никакого значения, потому что чеченский спецназ и частная военная компания не обговаривали условия встречи – точно так же и Цхогалов мог приползти один. Но он предпочел отправиться вместе со своей группой. Другими приборами Салман не пользовался. Но не успел он еще опустить бинокль, как в его внутреннем кармане завибрировала трубка смартфона «Блекберри», выданная майору через командование спецназом МВД по поручению ГРУ. Трубка обладала собственными шифратором и дешифратором, и можно было разговаривать, не опасаясь, что твой разговор прослушают. Майор, не поднимаясь с земли, вытащил трубку и, посмотрев на определитель, удивился. Звонил, как оказалось, Сергей Ильич Лесничий.

– Салман, можешь подняться и спокойно идти. Опасности нет.

– В наших окопах наверняка сидят снайперы. Они не знают, что здесь именно мы, и потому могут выстрелить.

– А как я тебя определил?

– Как?

– У меня работает индикатор оптической активности. Он не только определяет подсматривание, он еще и сообщает, какой прибор используется. Мне он подсказал, что на меня смотрит бинокль с тепловизором и дальномером.

– У меня в бинокле только тепловизор.

– Ты просто не разобрался с ним до конца. Иди спокойно. Если будет в стороне оптический прицел, индикатор сообщит мне, а я тебе. Иди...

Салман послушался. Он был хорошим спецназовцем, но не работал с такой аппаратурой, с какой работает обычно спецназ ГРУ. Частная военная компания «Волкодав», наверное, тоже работает с такими приборами. И если Лесничий доверяет приборам и открыто сидит на склоне, почему Цхогалов должен не доверять им.

– Встали, идем в полный рост... – обернувшись, дал команду майор.

Ночь была темной. Видимо, выпала такая фаза луны, когда ночное небо не освещается ею¹⁰. И «волкодавы» этим воспользовались, чтобы провести скрытое свидание. Время выбирать они умеют, это Салман знал давно.

Он знаком остановил своих людей в десяти шагах от Сергея Ильича, но сам подошел вплотную и сел на соседний камень. Увидел, что перед Лесничим стоял на треноге какой-то прибор, совершая маятниковые движения и осматривая всю линию фронта перед собой, и догадался, что это и есть тот самый индикатор оптической активности, про который Лесничий только что сообщил ему.

– Хорошо, что ты поторопился, – заметил «волкодав». – У моей группы появилось новое задание, и нам следует вернуться раньше.

– А где твоя группа?

– Здесь же, на склоне. Следит, чтобы никто посторонний не приблизился.

– Я смотрел в тепловизор, но никого не заметил...

– У них костюмы от «Ратника». Они не выпускают тепло тела наружу, аккумулируют в порах ткани. В тепловизор можно увидеть только лица и руки, когда они без перчаток из той же ткани. Кстати, хорошо, что ты про бинокль напомнил. Дай-ка мне глянуть...

Лесничий посмотрел, подкрутил два каких-то колесика, посмотрел еще раз.

– У тебя яркость шкалы дальномера в обоих осях координат на ноль была поставлена. Дальномер такой же, как в прицельной марке. Любого снайпера попроси, он за пару минут обучит им пользоваться.

– Надо же... – удивился Салман. – Два года у меня уже этот бинокль, а я про дальномер и не знал.

– И не узнал бы, если бы не мой индикатор. Но я тебя не для этого сюда вызывал. Тут серьезное дело намечается. И очень нужна твоя помощь...

– Я готов выслушать...

Майор чеченского спецназа и бывший старший лейтенант спецназа ГРУ обговорили все в подробностях и составили общий план действий.

Обратный путь в свое расположение выдался еще более трудным и опасным. Группе Цхогалова повезло, что часовой, оказавшийся на посту в линии обороны «Джабхат-ан-Нусры», был человеком смелым и самоуверенным. То ли что-то услышав, то ли разглядев в темноте движение, он не стал поднимать тревогу, опасаясь насмешек в случае ошибки, а решил сам посмотреть на то, что его смутило. Выбравшись из своего окопа и выпрямившись в полный рост, он двинулся в сторону бойцов чеченского спецназа. Салман Цхогалов уже приготовил нож, чтобы напасть на часового, маршрут которого должен был пройти, судя по направлению движения, в пяти шагах от майора. Нож был хороший, из темной булатной стали, и не светился в ночи, как светятся лезвием некоторые ножи. Но ситуацию разрядил старший сержант Дикалуев. Вадуд держал дома трех громадных и мощных кавказских овчарок и хорошо умел подражать голосу собак. Когда от снайпера до часового оставалось шагов пятнадцать, он сначала тихонько гавкнул, а потом грозно зарычал. Настоящий воин не побоится встретиться лицом к лицу с врагом, но большинство все же предпочтет не связываться с собакой. Часовой видел, наверное, что вокруг лагеря собаки бегают порой целыми стаями, крупные и голодные, часто поедающие мертвечину, которой изобилует каждая война, и не решился с ними связываться. Где одна собака появилась, там могли из темноты, невидимые и неслышимые, выпрыгнуть и другие. Он просто поднял камень и швырнул в сторону рычания. Камень был тяжелым и до Вадуда не долетел, упав где-то сбоку, а часовой после этого развернулся и, успокоенный, дви-

¹⁰ Так называемые Дни Гекаты. Два дня перед новолунием и два или один день после.

нулся в сторону своего окопа. Воевать с собаками он не намеревался. Тем более не намеревался стрелять, что вызвало бы общую тревогу.

Переждав еще около десяти минут, группа поползла дальше. Так благополучно добрались и до своего наспех отстроенного временного блиндажа. Там, уже с телефона дежурного по джамаату¹¹, Салман позвонил в штаб человеку, которого назвал Лесничий, и передал ему нужные слова.

– Будь готов, утром тебя вызовут, – прозвучало в ответ. – И забудь, что ты мне звонил...

Утром, около десяти часов, прибежал посыльный из штаба, и потребовал к начальнику штаба начальника разведки чеченского джамаата Сулеймана Цхогалова. Здесь, в стане «Джабхат-ан-Нусры» и среди соотечественников, Салман стал называться именем своего брата-близнеца, сторонника непримиримого амира «Имарата Кавказ» Доку Умарова¹², уже несколько лет назад отправившегося на суд к Аллаху. Те, кто раньше видел Сулеймана, не могли отличить его от Салмана, так братья были похожи. Правда, Сулейман был нелюдимым и замкнутым, и Салману, от природы открытому в общении человеку, трудно было изображать нелюдимость и мрачность.

Он вышел из блиндажа и через бруствер посмотрел вдаль. Было уже жарко. К десяти утра солнце успевало основательно прогреть сирийскую пустыню и воздух над ней. А ветер шел как раз со стороны пустыни и всю жару сносил севернее. Сквозь марево далекие позиции сирийской армии, расположенные у подножия гряды холмов, казались оторванными от земли и висящими в воздухе.

До штабного блиндажа идти было около двухсот метров. Штабные работники не любили передовую линию, которая всегда представляла собой опасность, и потому, считая, что без них вся армия «Джабхат-ан-Нусры» станет птицей без головы, предпочитали оставаться в тылу и под значительной охраной.

В кабинете начальника штаба всегда было много вооруженного народа, и невозможно было разобрать, кто из этих людей занят здесь военным делом, а кто является простым охранником, потому что все разговаривали одновременно. Но при появлении майора Цхогалова начальник штаба что-то приказал, и кабинет мгновенно опустел. Что такое военная тайна, аль-Завагани хорошо понимал.

– Садись... – приказал он и положил на стол перед Салманом развернутую карту.

Чеченец ждал объяснения.

– Вот данные с разведывательных беспилотников. Красными кругами обозначена зона твоего и нашего интересов. Целых шесть участков, которые сирийцы, по сути дела, оголяют, снимают оттуда минометные дивизионы и артиллерию, выводят танки, выводят войска. Синими кругами обозначены места, где войска концентрируются. Три таких круга. У нас есть подозрение, что у сирийцев не хватает сил для наступления всем фронтом и они планируют создать три мощные наступательные колонны, чтобы разрезать одним ударом нашу линию фронта. Твоя задача... Во-первых, проверить данные с беспилотников, действительно ли участки оголены. Все шесть ты проверить никак не успеешь, хотя бы три проверь. И еще – необходимо узнать, когда точно они планируют наступление...

– Как это узнать? – не понял майор.

– А брать «языков» тебе не доводилось?

– Доводилось. Но далеко не каждый из «языков» бывает в курсе замыслов командования.

Обычно такие данные держатся в секрете.

¹¹ Изначально понятие «джамаат» включало в себя только группу верующих единомышленников. Но позже, во второй половине девяностых годов прошлого века, сначала только в Чечне, потом по всему Кавказу и Поволжью, джамаатами стали называть исламистские этнические группы, создаваемые для вооруженной террористической деятельности.

¹² Доку Умаров – террорист, объявивший себя главой «Имарата Кавказ». Ликвидирован в сентябре 2013 года.

– Значит, нужно взять кого-то из старших офицеров. Старшие офицеры, как я понимаю, тоже не всегда все знают, но им, по крайней мере, приблизительно сообщают, когда они должны быть в наивысшей готовности. «Наивысшая готовность» – это обычно не меньше четырех-пяти часов до наступления. Сделаешь, Сулейман?

Имя брата заставило Салмана посмотреть на начальника штаба мрачнее обычного.

– Если нужно, то сделаю.

– На это тебе отпускается только одна следующая ночь. Времени мало. Какие силы возьмешь с собой? Одна разведка три участка обойти не сможет.

– Придется, думаю, весь джамаат использовать. Только...

– Что?

– Наш эмир Идрис всегда за свою власть опасается и не станет мне подчиняться. А сам он разведчик – никакой... Просто людей погубит. Ему нужно всегда напролом идти...

– Да, – усмехнулся аль-Завагани, – мне говорили, что два чеченца, если сойдутся, сразу устраивают борьбу за власть. Хорошо. Я пошлю вашего эмира Дуквахова с другой группой. Там на днях сирийский снайпер командира убил. Пусть попробует с ними прощупать другие три участка. Прямо по порядку, один за другим. Они близко расположены...

Выйдя из штаба, Салман двинулся напрямую в сторону чеченского блиндажа. На середине пути остановился и позвонил со своего смартфона командиру «волкодав» Лесничему:

– Сергей! Сработало! Я ночью вывожу джамаат на три самых левых участка. Наш эмир Дуквахов поведет другую группу на три правых участка. Ему дают отдельную группу.

– Что за человек эмир?

– Вредный человек. И злой к тому же. Мне мешает всеми силами, следить пытается...

– Значит, на том участке снайпер будет снова за командиром охотиться. Я целую команду снайперов там поставлю. А с тобой, как договорились... Сложности есть?

– Есть. Приказано добыть «языка» из старших офицеров.

– Я предполагал это. «Язык» будет, но ты допросишь его на месте, опасаясь, что он чего-то не знает и придется искать другого. А потом он подорвется на mine и будет лежать вместе с вашим джамаатом, до вашего штаба не доберется.

– Нужен старший офицер...

– Мукаддам¹³ тебя устроит?

– Вполне.

– Вчера вечером погиб мукаддам из службы обеспечения сирийского штаба. Начальник одного из артиллерийских складов. Случайная мина на дороге попала прямо под его колесо. Водителя только помяло, а мукаддаму ноги оторвало. Спасти его не смогли. Служил он плохо, говорят, откровенно поворовывал. Пусть хоть после смерти послужит родине. Он мог только знать, когда и куда доставлялся боезапас, причем в большом количестве, к какому времени его требовалось доставить. Документы мукаддама ты заберешь в подтверждение его возможности знать все, о чем он тебе скажет. Не забудь. Но я там же буду, напомню.

– Когда человеку отрывает ноги, из него вся кровь вытекает, – заметил Цхогалов. – Если его просто принести и положить среди других, это вызовет подозрение...

– Мукаддама даже не оперировали. Следов скальпеля на теле нет. А лужу крови мы изобразим. Тут пришла в город гуманитарная, так сказать, помощь из Европы, целый контейнер кетчупа. Он хорошо лужу крови нарисует... Не переживай...

¹³ Мукаддам – воинское звание в сирийской армии, соответствует российскому подполковнику. Мукаддам носит зелено-красные погоны с одной звездой над одноглавым гербовым орлом. Младший состав в сирийской армии, как рядовой, так и командный, носит простые погоны болотного цвета. Зелено-красные погоны носят, начиная со звания мулязима (прапорщика).

Да, майор чеченского спецназа не учел, что имеет дело с бывшим спецназовцем военной разведки, то есть специалистом по маскировке.

– Все. Разговор завершаю. Из нашего блиндажа кто-то идет в мою сторону... А... Это, кажется, сам эмир Идрис. Его, думаю, начальник штаба вызвал...

Глава пятая

«Горячая точка»... – подумалось вдруг Русу Григорьевичу, когда он стоял у окна своей комнаты. Но в стране в настоящее время единственная «горячая точка» – это Северный Кавказ. И там из всех боевых роботов применяются, и уже достаточно давно, только беспилотные самолеты и вертолеты. Причем не только совершающие разведывательный поиск, но и несущие порой под своими крыльями самые настоящие боевые ракеты. «Беспилотники» так, определенно, только опробываются, потому что модели, приходящие на помощь спецназу, не повторяются. И каждый раз оператор, что работает с моделью, пишет подробный отчет. Бандиты не имеют собственных средств ПВО, и для них летающие дроны являются смертельным и опасным врагом, особенно если учесть начиненность этих дронов аппаратурой, от которой невозможно спрятаться ни днем, ни ночью, ни среди скал, ни в густом лесу – тепловизор все равно их видит. А что там делать другим роботам? Абсолютно нечего... Через горный лес настоящий тяжелый танк не проломится, не то что сравнительно небольшой робот. Кроме того, бандитов в горах осталось мало, они действуют ограниченными по численности группами, и с ними простой взвод солдат в состоянии справиться. А его, старшего лейтенанта спецназа ГРУ, человека и офицера с боевым опытом и боевыми навыками, могут использовать только в ситуации, где идет серьезная война. В голове сразу выплыло только одно – Сирия... Значит, предстоит командировка в Сирию.

В самом деле, уже давно ведутся разговоры о том, что любые испытания техники на полигонах дают только малую толику понимания того, насколько эта техника выверена и совершенна. А существующие недостатки, требующие устранения, могут проявиться только в реальной боевой обстановке, и Сирия стала вполне подходящим боевым полигоном для испытаний. Возникал только один вопрос – почему выбрали именно его, старшего лейтенанта Поленьева. На своем месте, на должности командира взвода, как казалось Русу Григорьевичу, он мог бы принести больше пользы, чем на должности испытателя. Подготовить грамотного инженера не просто менее затратно по деньгам, по времени, но и легче, чем офицера спецназа ГРУ. Значит, есть еще какая-то причина. И он пока этой причины не знает...

Однако долго размышлять над своим возможным будущим Рус Григорьевич не стал. Зачем гадать, если вскоре все само собой прояснится. А пока пора уже и к профессору идти. Время подходит, и хотелось быть предельно пунктуальным...

Репутацию пунктуального человека Рус Григорьевич поддержал. Постучал в дверь профессорского кабинета, вошел после приглашения и заметил, как Безбородов, стоя перед раскрытыми дверцами платяного шкафа, опустил руку. На часы смотрел, проверяя пунктуальность старшего лейтенанта, – значит, не зря Поленьев об этом думал. Он проявил свойственную спецназовцу военной разведки наблюдательность и увидел в глубине шкафа на вешалке повседневную генеральскую форму. Кажется, погон на кителе, который светился из темноты шкафа, должен был принадлежать генерал-майору. Но профессора рассмотрение его мундира нисколько не смутило, и он сообщил, как о самой простой, мало что значащей для него вещи:

– К нам сегодня намеревается заехать Ставицкий, думаю, мне приличнее его встретить в мундире... Хотя мундир и борода как-то не слишком совмещаются... Я уже давно мундир не ношу...

– Простите, профессор, а кто такой Ставицкий? – переспросил Поленьев, показывая свое малое знакомство с высшим генералитетом Российской армии.

– Командующий инженерными войсками генерал-лейтенант Ставицкий. Ладно. С мундиром я сам решу. А вообще, я рад, что вы так быстро устроились... Давайте приступим сразу

к работе. Если вы не против, мы начнем с изучения особенностей вашего организма. Здоровье, то есть, исследуем... Без этого никак невозможно...

– На здоровье никогда не жаловался. Здоров, как два быка сразу...

– Тем не менее... Это обязательная процедура. Сегодняшний день этому и посвятим. Он, по сути дела, для большинства сотрудников только-только и начался... Хотя и еще кое-что необходимо будет сделать. Меня торопят ваши коллеги из ГРУ. Сильно торопят. Но у них свои критерии в подходе к делу, у нас свои... Тем не менее мы начнем с медицинской комиссии...

Одним словом, служба на новом месте началась с того, что старший лейтенант Поленьев по природе своей терпеть не мог, – с общения с медицинским персоналом. Рус Григорьевич, даже когда болел, старался к врачам не обращаться. Недавно, получив рваную рану бедра от прошедшей по касательной пули, предпочел вколоть себе укол промедола из шприц-тюбика, после чего сам же рану и зашил. Конечно, морщился от не слишком приятных ощущений, тем не менее не издал при зашивании ни звука. А как иначе, если за ним следили солдаты всего взвода. К врачам он так и не обратился...

Однако на новом месте службы пришлось сдаться и пройти несколько медицинских кабинетов.

Врачи практически не производили осмотра, удовлетворяясь тем, что задавали вопросы, на которые Поленьев отвечал. Только хирург-майор без белого медицинского халата заставил раздеться и долго осматривал уже заросшее ранение на бедре, даже сжимал шрам пальцами, прощупывая коллоидные рубцы.

– Какой урод вам это зашивал?

– Есть такой, товарищ майор. Он перед вами...

– То есть? – не понял хирург.

– Я сам и зашивал...

– У вас есть медицинское образование? Или хотя бы медицинские навыки?.. Какие-нибудь курсы заканчивали? Наложить шов, да еще себе, это нужно умудриться...

– Образование у меня военное, товарищ майор, навыков не имею, единственный курс, который проходил, – занятия в училище по оказанию первой медицинской помощи. Сами понимаете, это может научить только номер «Скорой помощи» на трубке набрать, тогда вреда пострадавшему будет меньше. Чужому человеку я зашить рану не решился бы, а себе – проще. Промедол вколол и зашил. Необходимость была продолжать боевые действия.

– Легко отделались, у вас в ране начиналось прямо на швах загноение. Рана прорывалась?

– Так точно. Был случай.

– К профессиональным медикам обращались?

– Нет. Обработал хлоргексидином и наложил повязку. Швы к тому моменту уже снял.

– Я и говорю, легко отделались. Могли и ногу потерять. Хорошо, если не вместе с жизнью. Гангрена, и все... Рекомендую больше услугами этого доморощенного медика, – жестко ткнул Поленьева пальцем в грудь хирург, – не пользоваться...

В медицинскую карту старшего лейтенанта майор написал целых пару страниц. Хорошо, что, кроме него самого, никто, наверное, прочитать написанное не сумел бы. По крайней мере, Рус Григорьевич не сумел. А знакомого дешифровальщика в новой части у него не имелось. Пришлось подавить вздох и отправиться в следующий кабинет. Следующим, и предпоследним на очереди, был кабинет невропатолога. Вот там все и началось...

Но и началось не сразу. Женщина-врач в юбке военного образца, но в белом халате, под которым невозможно было рассмотреть погоны и определить звание, предложила забросить ногу на ногу и простучала резиновым молоточком колени. Рефлекторный механизм, кажется, работал нормально. Тут после короткого стука в кабинет вошел профессор Безбородов, борода

которого была на месте, но сам профессор облачился в мундир генерала инженерных войск, что сразу заставило старшего лейтенанта Поленьева встать по стойке «смирно».

– Сидите, сидите, Рус Григорьевич. – Профессор положил ладонь на плечо Поленьеву и надавил, усаживая чуть не силой.

Он принес с собой какой-то предмет, напоминающий шлем, собранный из пластиковых мягких полосок с металлическими плоскими заклепками, являющимися, как понял Поленьев, электродами, поскольку от каждой заклепки тянулись провода с наконечниками, некоторые соединялись между собой и имели общий наконечник, некоторые были отдельными. С таким шлемом Поленьеву встречаться приходилось, когда он навещал солдата своего взвода в госпитале, куда тот попал после контузии головы.

– Мы сейчас сделаем то, что называется энцефалограммой мозга. Но это не совсем медицинская энцефалограмма. Принцип у нее тот же самый, только наш «шлем» усиленно снимает лишь отдельные участки вашего мозга. Надежда Ивановна, – обратился генерал к женщине-невропатологу, – надевайте Русу Григорьевичу «шлем» и подключайте, а я сяду за компьютер.

Надеть «шлем» на голову и подключить контакты к множеству гнезд в каком-то отдельном приборе, в свою очередь, подключенном к компьютеру, было делом недолгим. Старший лейтенант даже не устал от этой процедуры. Раньше снимать энцефалограмму Поленьеву не доводилось, и он ждал каких-то ощущений сразу после того, как прибор включился, но никаких особых ощущений не возникло.

– Так... Так... – комментировал профессор, внимательно глядя на монитор. – Все отлично, все как и должно быть...

В этот момент в дверь постучали, и, не дожидаясь приглашения, в кабинет вошел полковник Самородников. Лицо его выражало суровую озабоченность. Кивком головы поздоровавшись со всеми, он повернулся к старшему лейтенанту.

– Могу вам сообщить вести из вашей бригады...

– Слушаю вас, товарищ полковник.

– Мы с вами утром разговаривали о происшествии в вашем батальоне. Так вот, первая неприятная весть... Ключей от сейфа майора Осинцева в кармане шинели не оказалось, хотя вы, как говорите, видели, что майор положил их именно туда. Вторая весть... Помните... Помощник дежурного по штабу батальона сержант срочной службы Анвар Киреев...

– Да, помню его на лицо, только я его не знаю. Не знаю даже, из какой он роты. Не из нашей – точно. Видел его рядом с дежурным. При встрече, наверное, узнал бы.

– Уже не узнаете. Сегодня утром сержант Киреев получил СМС-сообщение от своей подружки Аджмебики, оставшейся в Казани, что она выходит замуж и просит его не вспоминать, что между ними было. После этого сообщения сержант повесился в туалете своей казармы. Органы ФСБ, поскольку сержант замешан в достаточно серьезном деле, сразу подключились и достаточно быстро нашли эту подружку Киреева. Она находилась в квартире своего нового друга, была мертвецки пьяна даже утром. Друга ее так и не смогли разбудить, мычал что-то нечленораздельное и не поднимался. Даже на нашатырный спирт почти не реагировал, только морщился. Но скоро, наверное, разбудят. Какой-то дагестанец. Сама Аджмебика не помнит, что она отправляла эсэмэску. Тем не менее она отправлена именно с ее трубки. Трубку взяли на экспертизу. Там только отпечатки пальцев самой Аджмебики и какие-то отпечатки руки в кожаной перчатке. Возможно, это перчатки самой Аджмебики. За ними для экспертизы поехали к ней домой. Вечером молодая женщина вместе с другом-дагестанцем вдвоем выпили две бутылки водки. Специалисты говорят, что с такой дозы они не могли быть настолько пьяны утром. Бутылки взяли на экспертизу. На них только отпечатки пальцев хозяина квартиры и его подружки. Внутри водка, никаких примесей. Вопрос в том, могла или нет Аджмебика забыть, что она написала сержанту Кирееву СМС-сообщение?

– Это вы у меня, товарищ полковник, спрашиваете? – поинтересовался Поленьев.

– Я ни у кого не спрашиваю. Я только ставлю вопрос. Сейчас тело самого Киреева находится в судмедэкспертизе. Будут какие-то данные, тебе, старлей, сообщать?

– Если можно, товарищ полковник. Дело, как ни крути, меня касается напрямую.

– Еще сообщение... Наши сотрудники нашли и допросили оператора справочной службы вокзала. Женщина не помнит всех, кто обращался к ней с просьбой дать объявление о встрече с прибывшим пассажиром, таких объявлений за смену бывает до нескольких десятков. Но касающееся вас объявление она запомнила потому, что фамилию и город человек читал по бумажке. Он плохо говорил по-русски, тип лица откровенно кавказский. Хотя это вовсе не говорит о том, что он с Кавказа, мог быть и из другой страны.

– Например...

– Например, из Турции, из Ирака или Ирана.

– Или из Сирии?

Это было произнесено твердо, но с некоторой ехидцей. Полковник с профессором переглянулись.

– Вы что-то знаете про Сирию? – строго спросил Безбородов.

– Ничего, товарищ генерал, не знаю, поскольку мне никто ничего не сообщал, считая меня бесчувственным столбом, который и права выбора не имеет. В какую яму его поставят, там и стоять будет.

– Ничего, говоришь, не знаешь... А почему тогда такое предположение высказал? – поинтересовался полковник.

– Говорите... – поторопил профессор. – Компьютер фиксирует работу вашего мозга. – Говорите...

– Я просто просчитал... Это элементарный процесс. Естественный ход мыслей любого военного разведчика. Нас этому специально не учат, но стиль мышления сам вырабатывается со временем.

– Маргарита Евгеньевна, подождите, пожалуйста, в коридоре, – попросил генерал.

Женщина-врач сразу вышла из своего кабинета, хотя и забыла ответить уставным: «Есть выйти!»

– Рассказывайте, старший лейтенант, – потребовал профессор вполне генеральским безапелляционным тоном, который раньше, как казалось Поленьеву, был профессору Безбородову несвойственен.

Пришлось Русу Григорьевичу вспомнить очередность своих недавних мыслей, возникших при виде боевого робота, проезжающего мимо жилого корпуса, причем постараться словесно обрисовать то, что в голове не требовало обоснования. Просто из одной мысли делался вывод, сам собой переходя в следующую мысль.

Когда он замолчал, полковник пожал плечами:

– Надо же! Раньше мне казалось это невозможным. Сейчас послушал и удивился: почему я сам не додумался? Но, как у контрразведчика, у меня возникает еще один вопрос. А разведчик противостоящей нам стороны в состоянии самостоятельно додуматься?..

Старший лейтенант ничего не ответил. Зато заговорил генерал Безбородов:

– Вот в этом я сильно сомневаюсь, хотя и понимаю, что вы имеете в виду, товарищ полковник. Чтобы разведчик противника сделал такой вывод, ему необходимо, во-первых, как Рус Григорьевич, увидеть из окна боевого робота. Причем увидеть его гораздо раньше, чем увидит старший лейтенант. Во-вторых, ему необходимо познакомиться со всей нашей достаточно продолжительной перепиской с диверсионным управлением ГРУ. А вся переписка велась в зашифрованном виде. То есть прочитать ее не представлялось возможным. В-третьих, надо знать наши разработки и наши перспективные направления...

– Напрасно вы, товарищ генерал, так легкомысленно относитесь к возможностям разведки противника. Им не было необходимости знакомиться со всей вашей перепиской. Достаточно уметь строить цепи между конкретными известными точками, и этого может хватить. Но тогда, я признаю, мы имеем дело с профессионалами высокого уровня.

– Не обязательно... – вступил в разговор старший лейтенант. – Можно посмотреть на секретные документы и через Интернет.

– То есть... – нахмурился полковник.

– Танк-робот, что проезжал сегодня под моим окном, имел «песчаный камуфляж». Уже одно это может дать направление мыслям...

– У нас на территории воинской части у каждого окна не стоит по разведчику противника, – холодно возразил профессор.

– И в Интернете все о своей перспективной технике мы не рассказываем. Тем более о технике с песчаным «камуфляжем».

– Достаточно вскрыть через Сеть документацию отдела материально-технического обеспечения и посмотреть, какая краска покупалась. Я не думаю, что эти документы засекречены. Тем более платежи, скорее всего, проходили через банк. Это еще один вариант частичной «засветки».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.